

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТЮРКСКИХ ХАНСТВ XVI–XVIII вв.: КОНКУРЕНЦИЯ, ПРОТИВОСТОЯНИЕ, ДИАЛОГ

Аннотация. Задумывая дискуссию как часть конкретного тематического номера («Казанская история»), выпускающие редакторы исходили из того, что после падения Казанского ханства в 1552 г. наступил качественно новый этап в истории территориального расширения России в восточном направлении и ее взаимоотношений с тюркскими ханствами — наследниками Золотой Орды. Мы полагаем, что дискуссию может быть организована также в контексте типологических рассуждений о том, что после распада Золотой Орды (Улуса Джучи) ее историческая судьба не прекратилась, что она породила новые многочисленные исторические ситуации, сложившиеся на обширном пространстве Евразии в XV–XVIII вв. В частности, на постордынском пространстве появились «наследные» ханства и Орды, активно формировавшие новый опыт взаимодействия с крепнущим Московским (Российским) государством, не сводимый к одному только военному противостоянию (или т.н. агрессии). Налицо — эволюция военно-политических и культурных взаимоотношений России и различных ханств, включая историю их культурных трансферов и представлений друг о друге. Выпускающие редакторы обратили внимание участников дискуссии на формы и методы распространения Россией своего влияния на государства «нового» тюрко-татарского мира и даже на обоснование ее претензий к его территориям. В материалах представленной дискуссии освещены различные аспекты отношений России с тюркскими ханствами, занимавшими важное место в культуре ее (само)презентации; изложены современные взгляды историков по дискуссионным вопросам инкорпорации территорий и населения завоеванных Россией тюркских ханств в ее пространство. Кроме того, активно обсуждена актуализация «золотоордынского нарратива» в общественном сознании России после 1991 г., соотношенная с современной политикой исторической памяти.

Ключевые слова: внешняя политика, дискуссия, Золотая Орда, историография, Московское государство, политика памяти, постордынские государства, Россия, татары, тюрко-татарские ханства, Улус Джучи.

Цитирование: Бахтин А.Г., Викторин В.М., Кочегаров К.А., Мустакимов И.А., Рахимзянов Б.Р. Взаимоотношения России и тюркских ханств XVI–XVIII вв.: конкуренция, противостояние, диалог // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 198–244. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-198-244 / Bakhtin A.G., Victorin V.M., Kochegarov K.A., Mustakimov I.A., Rakhimzianov B.R. Relations between Russia and the Turkic Khanates of the 16th–18th Centuries: Competition, Opposition, Dialogue, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 1. Pp. 198–244. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-198-244.

© Бахтин А.Г., Викторин В.М., Кочегаров К.А., Мустакимов И.А., Рахимзянов Б.Р., 2022

Вопросы дискуссии:

1. Согласны ли вы с утверждением о том, что активная борьба Московского (Российского) государства с тюркскими ханствами, начиная с XVI в., в т.ч. была связана с желанием его правителей повысить свой статус и престиж? Говоря другими словами, была ли внешняя политика России на восточном и южном направлениях связана не только с «татарской угрозой», но также с ее претензиями на геополитическое наследие Золотой Орды за счет побед над царями-Чингисидами?
2. Способствовало ли завоевание Россией ряда тюркских ханств расширению у неславянских народов представлений о российском подданстве и лояльности, об образе(-ах) российского монарха в их среде?
3. Какую роль сыграли элиты завоеванных Россией тюркских ханств в культурной и иной интеграции их населения в российское государственное пространство? Или же они остались «чужими» и «лишними» в системе российского управления такими новообретенными территориями?
4. Разделяете ли вы мнение о неизбежном поглощении Российской империей державы Гиреев, как неспособной устоять в XVIII в. перед различными новыми «вызовами времени»? Почему, на ваш взгляд, многовековая борьба России с Крымским ханством увенчалась успехом только во второй половине XVIII в.?
5. Какие заметные события из истории взаимоотношений в XVI–XVIII вв. России и тюркских государств, наследников Золотой Орды, недостаточно, на ваш взгляд, представлены в пространстве современной «политики памяти»? Можно ли говорить о некоторой маргинализации подобных сюжетов – в сравнении с актуальными оставляющими т.н. победного нарратива, характерного для ряда современных научных дискуссий в России?

Участники дискуссии:

Бахтин Александр Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет.

Викторин Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Астраханский государственный университет.

Кочегаров Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Мустакимов Ильяс Альфредович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Национальная библиотека Республики Татарстан.

Рахимзянов Булат Раимович, кандидат исторических наук, докторант, Школа истории, Университетский колледж Дублина; старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE TURKIC KHANATES OF THE 16TH–18TH CENTURIES: COMPETITION, OPPOSITION, DIALOGUE

Abstract. Conceiving the discussion as part of a specific thematic issue (“Kazan Chronicle”), the publishing editors proceeded from the fact that after the fall of the Kazan Khanate in 1552, a qualitatively new stage began in the history of the territorial expansion of Russia in an easterly direction and its relations with the Turkic khanates, the heirs of the Golden Age. Hordes. We believed that the discussion could also be organized in the context of typological reasoning that after the collapse of the Golden Horde (Ulus Jochi), its historical fate did not stop, that it gave rise to numerous new historical situations that developed in the vast expanse of Eurasia in the 15th–18th centuries. In particular, “hereditary” khanates and Hordes appeared in the post-Horde space, actively shaping a new experience of interaction with the growing Muscovite (Russian) state, which could not be reduced to military confrontation (or so-called aggression). The evolution of the military-political and cultural relations between Russia and various khanates is evident, including the history of their cultural transfers and ideas about each other. The contributing editors drew the attention of the discussion participants to the forms and methods of Russia’s spread of its influence on the states of the “new” Turkic-Tatar world and even to the justification of its claims to its territories. The materials of the presented discussion highlight various aspects of Russia’s relations with the Turkic khanates, which occupied an important place in the culture of its (self)presentation; the modern views of historians on the debatable issues of incorporation of the territories and population of the Turkic khanates conquered by Russia into its space are presented. In addition, the actualization of the “Golden Horde narrative” in the public consciousness of Russia after 1991, correlated with the modern politics of historical memory, was actively discussed.

Keywords: discussion, Golden Horde, foreign policy, historiography, memory politics, Muscovy, post-Horde states, Russia, Tatars, Turko-Tatar khanates, Ulus Jochi.

Discussion questions:

1. Do you agree with the statement that the active struggle of the Moscow (Russian) state with the Turkic khanates, starting from the 16th century, incl. was associated with the desire of its rulers to increase their status and prestige? In other words, was Russia’s foreign policy in the east and south connected not only with the “Tatar threat”, but also with its claims to the geopolitical legacy of the Golden Horde through victories over the Genghisid kings?

2. Did the conquest of a number of Turkic khanates by Russia contribute to the expansion of non-Slavic peoples' ideas about Russian citizenship and loyalty, about the image(s) of the Russian monarch among them?
3. What role did the elites of the Turkic khanates conquered by Russia play in the cultural and other integration of their population into the Russian state space? Or did they remain "foreign" and "superfluous" in the system of Russian administration of such newly acquired territories?
4. Do you share the opinion about the inevitable absorption by the Russian Empire of the power of Girey, as unable to resist in the 18th century before various new "challenges of the time"? Why did the centuries-old struggle between Russia and the Crimean Khanate, in your opinion, succeed only in the second half of the 18th century?
5. What are the notable events in the history of relationships in the 16th–18th centuries. Russia and the Turkic states, the heirs of the Golden Horde, are, in your opinion, not sufficiently represented in the space of the modern "politics of memory"? Is it possible to talk about some marginalization of such plots – in comparison with the actual leaving the so-called. a victorious narrative characteristic of a number of modern scientific discussions in Russia?

Discussants:

Bakhtin Alexander G., Doctor of Sciences (History), Professor, Mari State University.

Victorin Victor M., Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher, Astrakhan State University.

Kochegarov Kirill A., Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Science.

Mustakimov Ilyas A., Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, National Library of the Republic of Tatarstan

Rakhimzianov Bulat R., Candidate of Sciences (History), PhD student, School of History, University College Dublin, Senior Researcher, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ НА ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В XVI–XVIII ВЕКАХ

Бахтин Александр Геннадьевич

Марийский государственный университет

Йошкар-Ола, Россия

abachtin@mail.ru

Аннотация. Политика России на постордынском пространстве являлась продолжением тех отношений, которые сложились у славян со степняками еще в домонгольский период. Новым стало то, что русские не ограничились отражением нападений противника, но, собрав достаточно сил, начали наступление и вели войну до полной победы и включения вражеской территории в состав своего государства. Это диктовалось необходимостью предотвратить возможность восстановления Золотой Орды и возобновления агрессии. Потребности обеспечения безопасности страны имели приоритет, обстоятельства же экономического характера существенной роли не играли. Россия не являлась наследницей Золотой Орды, но участвовала в борьбе за доминирование на востоке Европы. Это была борьба за существование независимого Российского государства и отвечала интересам всего русского общества. К середине XIX в. все бывшие улусы Золотой Орды оказались под властью России. Присвоение Иваном IV царского титула было статусным явлением, не связанным с восточной политикой страны. Завоевание Казани и Астрахани повысило авторитет русского правительства, многие представители татарской элиты поступили на службу. Появление новых подданных и служилых людей из нерусского населения усиливало Россию. Ликвидация всех постордынских государств и поглощение их Россией стало закономерным следствием протекавших в XVI–XVIII вв. на востоке Европы политических процессов.

Ключевые слова: Казанское и Крымское ханства, Иван Грозный, восточная политика, славяне, кочевники, служилые татары.

Цитирование: Бахтин А.Г., Противостояние на постзолотоордынском пространстве в XVI–XVIII веках // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 202–210.
DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-202-210 / Bakhtin A.G. Confrontation in Postzoltoordyn Space in the 16th–18th Centuries, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 1. Pp. 202–210. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-202-210.

© Бахтин А.Г., 2022

CONFRONTATION IN POST-GOLDEN HORDE SPACE IN THE 16TH–18TH CENTURIES

Bakhtin Alexander G.

Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia
abachtin@mail.ru

Abstract. Russia's policy in the post-Golden Horde space was a continuation of the relations that developed between the Slavs and the steppe peoples in the pre-Mongol period. What was new is that the Russians did not limit themselves only to repulsing enemy attacks, but, having gathered enough forces, launched an offensive and waged a war until complete victory and inclusion of enemy territory into the Russian state. The reason was the need to prevent the possibility of the restoration of the Golden Horde and the possible resumption of aggression. The country's security needs took precedence, while the economic ones did not play a significant role. Russia was not the successor of the Golden Horde, but participated in the struggle for dominance in the east of Europe. It was a struggle for the existence of an independent Russian state and it was in the interests of the entire Russian society. By the middle of the 19th century all former uluses of the Golden Horde were under Russian rule. The Tsar title of Ivan IV was a status phenomenon, that was not connected with the eastern policy of the country. The conquest of Kazan and Astrakhan increased the authority of the Russian government, many members of the Tatar elite became a part of the administration. The emergence of new subjects and service people from the non-Russian population strengthened Russia. The liquidation of all post-Horde states and their absorption by Russian state became a natural consequence of the ongoing political processes in Eastern Europe in the 16th–18th centuries.

Keywords: Kazan and Crimean Khanates, Ivan the Terrible, Eastern politics, Slavs, nomads, service Tatars.

Большинство исследователей признает, что завоевания Русского государства на востоке стали следствием борьбы по обеспечению безопасности страны. Вторжения татар и подчиненных им народов охватывали пространство от Приуралья до реки Сухоны, Галича, Балахны, Муром. Шесть раз с 1439 по 1591 г. татары подходили к Москве. Неоднократно вставал вопрос о независимости и дальнейшем существовании Русского государства. Обстоятельства экономического характера (земли, торговый путь, ясак) не играли в этом процессе определяющей роли.

Славянам издревле приходилось отражать нападения воинственных соседей – торков, авар, хазар, печенегов, половцев и других. Уже тогда славяно-руссy не ограничивались пассивной обороной, но совершали походы вглубь вражеской территории. Вспомним поход 966 г. киевского князя Святослава Игоревича на Хазарский каганат, Владимира Мономаха против половцев в 1103, 1111, 1113 и другие годы, завершившийся поражением поход на половцев северского князя Игоря в 1185 г.

Появление монголо-татар стало очередной заменой одних кочевников другими, они смогли покорить русских. Дальнейшая история развивалась уже по привычной схеме. Русские смогли сохранить свою государственность. Благодаря разумной политической линии Александра Невского и его потомков из московских князей русские постепенно собирались с силами, объединялись, освобождались от иностранной зависимости. «Стояние на Угре» в 1480 г. сделало очевидным освобождение Московского государства от ордынской зависимости.

Русские княжества и земли все более подпадали под влияние и власть московских князей и переставали платить привычный для татар «выход». Московские дипломаты отказывались записывать в договоры обязательность и размер посылаемых татарской знати подарков, известных как «поминки», говорили, что «в пошлину государь наш не даст никому ничего. Государь наш дружбы не выкупает». На это крымский князь Сулеш говорил: «А так царю со государем вашим чего для миритца и королева казна чего для у себя терять. Татарин любит то, хто ему больши даст, тот ему и друг» [РГАДА, ф. 123, кн. 10, л. 154, 161об.]. Отказ от уплаты дани оборачивался нападениями.

Наибольшая угроза исходила от Крымского ханства, находившееся в вассальной зависимости от Османской империи. То, что военная добыча составляет существенную часть их дохода, крымская элита не скрывала. В 1572 г., выпрашивая у Ивана Грозного Астрахань, хан Девлет-Гирей писал: «И толко деи царь и великий князь даст мне Асторохань, и яз и до смерти на царевы и великого князя земли ходити не стану. А голоден деи не буду: с левую деи мне сторону – Литовьской, а з другую сторону – черкасы, и яз деи стану тех воевати. Тамо деи яз и сытее того буду, ходу деи моего в те земли толко два месяца, – и назад буду» [Посольская книга..., 2015, с. 144].

Крымские ханы претендовали на роль собирателя улусов распавшейся Золотой Орды и порой были близки к цели. Возникли опасения в возможности возрождения

полукочевой империи. Помешали противоречия внутри самого татарского общества, дипломатические и военные усилия Русского государства.

Татары не осуществляли прямого управления русскими княжествами. В этом отношении Россия не является наследником Золотой Орды, но она втянулась в борьбу, вышла победителем и поглотила всю ее территорию.

Существующее мнение о том, что завоевания татарских ханств диктовались необходимостью подтвердить свой царский титул и так повысить свой политический статус [Востриков, 2002, с. 79], не верно. Победитель всегда старается извлечь максимальную пользу от своего успеха. При каждой победе удлинялся великокняжеский титул. После установления над Казанским ханством протектората в 1487 г. Иван III стал именоваться «князем болгарским». Иван IV с присоединением Казани и Астрахани стал царем казанским и астраханским, а потом и сибирским. Три короны, символизирующие эти царства, украсили российский герб, увенчав двуглавого орла. Но Иван IV стал царем в 1547 г., когда задачи завоевания Казанского ханства еще не ставилось. Превращение Московского княжества в царство не связано с противостоянием на постордынском пространстве. Иван Грозный, при всей неоднозначности оценки его личности, был выдающимся государственным деятелем. В 1574 г. на требования крымцев отдать им Казань и Астрахань он отвечал: «И Казани и Асторохани – как таких дву государств поступитись: ныне одна сабля – Крым, а тогда другая сабля будет – Казаньская земля, третья сабля – Астороханьская, четвертая – Нагаи. А толко Литва не помирится, – ино пятая сабля будет. И Казани и Асторохани как поступитись?!» [Посольская книга ..., 2015, с. 149].

Завоевание татарских ханств произвело сильное впечатление на их население. Активное противодействие оказали марийцы (черемисы). Татары, после нескольких неудачных попыток освободиться, в соответствии с этикой феодального вассалитета признали над собой власть нового сильного сюзерена. Сибирский князь Едигер, западные башкиры, ногайский князь Исмаил и другие искали покровительства у сильного соседа [ПСРЛ, т. XIII, 1904, с. 248, 282]. Ногайцы и астраханцы говорили кафинскому паше Касиму: «... за кем деи будет Азсторохань, и мы того ж будем» [Путешествия русских послов ..., 1954, с. 85].

Процесс интеграции инонациональных элит в славяно-русскую государственную систему начался еще в бесписьменный период истории, когда в результате колонизации и смешения славян, финно-угров и, отчасти, балтов и тюрок происходило формирование русского этноса. Вытесненные из степей новыми волнами кочевников берендеи, торки, ковуи, турпеи, печенег и другие, известные как «черные клобуки» и «свои поганые», получали на Руси защиту и места для поселений. Они становились в ряды защитников земли русской и активно включались в политическую жизнь. Вчерашние враги самоотверженно и умело обороняли границы [Расовский, 2012, с. 20–21]. Когда в 1154 г. князь Юрий Долгорукий после победы берендеев над половцами попытался уговорить их освободить пленных, берендеи

ответили: «Мы того дея умираем за Русскую землю и головы свои складываем» [ПСРЛ, т. I, 1962, с. 148].

В последующие века для борьбы с многочисленными врагами русские князья стремились привлечь на свою сторону вчерашних врагов. Татарской знати регулярно поступали приглашения на русскую службу. Многие татары оседали в Касимове и иных городах, пожалованных в кормление великим князем. В 1549 г. казанский бакшей Абдула писал Ивану IV: «От начала в пословицах говорят, которой земли зверь ловить похочешь, ино бы тое ж земли собаками гоняти того зверя» [Посольские книги... , 1995, с. 322].

Казанская элита пострадала в ходе борьбы за Поволжье. Только за осень 1554 г. было уничтожено 1 560 князей, мурз, сотных князей и лучших казаков [ПСРЛ, т. XIII, 1904, с. 247]. Другие навсегда покинули родину, бежали на Урал, к ногайцам, в Крым и иные места. Однако лояльная новой власти знать сумела встроиться в российское общество. В походе на Казань участвовало 500 казанских перебежчиков. По данным Казанского летописца, перед завоеванием Казани в Русском государстве находилось только казанцев вместе с членами семей и слугами около 10 тыс. человек [Казанская история, 1954, с. 83]. В XV–XVII вв. мы видим как татар, так и мордву, чувашей, марийцев на охране русских границ от степняков [Илюшин, 2021]. В Писцовой книге по Казанскому уезду 1602–1603 гг. есть много записей о том, что служилые татары владеют той же землей, которой владели «отцы их и дядья и братья до казанского и после казанского взятъя, а они после их теми помесными жеребьи владеют по старине же без дач» [Писцовая книга Казанского уезда, 1978, с. 56, 135, 180]. Всего по уезду числилось 227 служилых татар, 230 служилых по прибору и еще новокрещены [Ермолаев, 1978].

Россия не была национальным государством только русского народа, приоритетное значение имела православная вера и социальное положение. Многие принявшие православие татарские князья и мурзы органично влились в состав российского дворянства. Вспомним имеющий ногайское происхождение богатейший род князей Юсуповых. Многие русские дворяне татарского происхождения прославились государственной, научной, литературной и иной полезной деятельностью (Абдуловы, Адашевы, Аксаковы, Алябьевы, Апраксины, Аракчеевы, Атласовы, Ахматовы, Бахметьевы, Вельяминовы, Карамзины, Тимирязевы и многие другие) [Халиков, 1992]. Казанский царевич Худай-Кул, в крещении Петр Ибрагимович, рассматривался как возможный претендент на московское великое княжение, пока у Василия III не было детей. Касимовский Саин-Булат хан, правнук хана Большой Орды Ахмата, в крещении Симеон Бекбулатович, в 1575–1576 гг. пусть и формально, но был поставлен во главе Русского государства, именовался «великий князь всея Руси», и сам Иван Грозный уничижительно называл себя в письмах к нему «Иванец Васильев» [Послания Ивана Грозного, 1951, с. 195].

Но карьеру в России могли сделать не только представители знатных родов, но и выходцы из простолюдов. Ярчайшим примером является Никита Минин, в

монашестве Никон, ставший самым известным патриархом. Сам он считал себя русским, но до недавнего времени с подачи П. Мельникова-Печерского его считали мордвином [Мельников, 1981]. В 2006 г. в Саранске ему даже поставили памятник. Свидетельства Аввакума в «Послании “отцу” Ионе» [Аввакум, 1927] указывают на то, что отец его был черемисином (марийцем), а мать «русалкой» (русской) [Акшиков, 2012].

Новые нерусские подданные впрягались в общее тягло с русскими крестьянами и посадскими людьми, служилые люди становились в ряды защитников Отечества. Это усиливало Россию и позволяло справляться с новыми историческими вызовами.

Золотая Орда не смогла пройти через феодальные междоусобия и возродиться. Внутренние противоречия и внешнее воздействие оказались настолько сильными, что преодолеть их татарское общество было не в силах. Один из последних ханов Большой Орды Муртаза (1482–1502), осознавая гибельность междоусобий, в 1487 г. писал касимовскому служилому хану Нур-Даулету: «... предние наши о кости о лодыжном мозгу юрта деля своего разбранилися, да того деля промеж их много лиха и нелюбви было...» [Памятники дипломатических сношений..., 1884, с. 69]. Попытки крымских ханов с помощью турецкого султана объединить постордынские государства в антирусский союз потерпели неудачу.

Существование Крымского ханства могло закончиться в 60–70-е гг. XVI в. Оно разделило бы судьбу Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Борьба с Крымским ханством находила поддержку во всех слоях русского общества. Успешные походы на Крым Дмитрия Вишневецкого, находящегося с осени 1557 по осень 1561 г. на службе у Ивана Грозного, Дьяка Ржевского и нападения казаков свидетельствуют, что военные действия русских войск против ханства могли быть успешными. Однако продолжительное, вплоть до 8 апреля 1783 г., существование Крымского ханства объясняется несколькими обстоятельствами. Оно было наиболее сильным среди прочих постордынских государств, победа над ним потребовала бы значительных усилий. Материальный и военный потенциал у России, впрочем, имелся. Серьезно осложняло перспективы войны с Крымом нахождение его в вассальной зависимости от Османской империи. Ввязываться в войну с ней русское правительство не хотело. Не смогла Россия договориться с Польско-Литовским государством о союзе против общего врага – Крыма. Иван Грозный ввязался в затяжную Ливонскую войну против коалиции европейских государств и проиграл – Россия ослабла. Затем последовала Смута и долгий период выхода из кризиса, борьба с Речью Посполитой за Украину и Швецией за выход в Балтийское море. К вопросу судьбы Крыма смогли вернуться только во второй половине XVIII в. при Екатерине II и кардинально решили проблему. К тому времени соотношение сил было уже с явным преимуществом России. Грабительские вторжения татар в южные русские пределы вынуждали правительство принять меры к их прекращению. Помимо России не было другой политической силы, способной доминировать в регионе.

Дальнейшее продвижение в исследовании истории Золотой Орды и тюркских государств, их взаимоотношений с Российским государством требует введения в научный оборот новых источников. Их поиск перспективен в иностранных архивах. Можно отметить сборник «Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX вв. из древлехранилищ Турции», изданный в 2008 г. в Казани. Имеются многочисленные публикации средневековых источников в казанском журнале «Эхо веков». Особенно ценно сочинение «Зафер наме-и Вилайет-и Казан». Ценнейший источник – «История Сахиб-Гирей хана» Реммал ходжи. Они обогащают наше представление об истории татарских государств и их взаимоотношений с Россией.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аввакум. Послание «отцу» Ионе // *Русская историческая библиотека издаваемая постоянной историко-археографической комиссией. Т. 39. Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. I. Вып. I. Л.: АН СССР, 1927. Стб. 887–904.*

Акшиков А.Г. Никон // *История Марийского края в лицах. XIV–начало XX веков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. С. 71–74.*

Востриков В.Г. Падение Казани – рождение империи // *Горные марийцы на рубеже веков. Мат. и док. республиканской конференции, посвященной 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. унив-та, 2002. Ч. 1. С. 79–83.*

Ермолаев И.П. Писцовая книга Ивана Болтина как источник // *Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Под ред. И.П. Ермолаева, М.А. Усманова. Казань: Издательство Казанского университета, 1978. С. 5–31.*

Илюшин Б.А. Очерк военного дела и военной истории мордвы, марийцев и чувашей в составе Российского государства XVI–XVII веков. Новосибирск: НГУ, 2021. 240 с.

Казанская история. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1954. 194 с.

Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 134 с.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Ч. 1. 1474–1505 гг. // *Сборник Императорского Российского исторического общества. Т. 41. СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. 558 с.*

Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Под ред. И.П. Ермолаева, М.А. Усманова. Казань: Издательство Казанского университета, 1978. 240 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 578 с.

ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.

Послания Ивана Грозного. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1951. 715 с.

- Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. Отв. ред. И.В. Зайцев. М.: ИД Марджани, 2015. 400 с.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 360 с.
- Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л.: АН СССР, 1954. 490 с.
- Расовский Д.А. Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Византии (работы разных лет). М.: ЦИВОИ, 2012. 237 с.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 10.
- Халиков А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Болгар-татар чыгышлы 500 рус фамилиясе. Казань: Изд-во «Казань», 1992. 192 с.

REFERENCES

- Avvakum. Poslanie "otcu" Ione [Message to "Father" Jonah], in *Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavaemaya postoyannoj istoriko-arheograficheskoj kommisiej*. T. 39. *Pamyatniki istorii staroobryadchestva XVII v.* [Russian Historical Library published by the Permanent Historical and Archeographic Commission. Vol. 39. Monuments of the history of the Old Believers of the 17th century]. Book I. Iss. I. Leningrad.: USSR Academy of Sciences Publ., 1927, Pp. 887–904 (in Russian).
- Akshikov A.G. Nikon [Nikon], in *Istoriya Marijskogo kraja v lichah. XIV–nachalo XX vekov* [The history of the Mari region in persons. 14th–early 20th centuries]. Yoshkar-Ola: MarNIIYALI Publ., 2012. Pp. 71–74 (in Russian).
- Vostrikov V.G. Padenie Kazani – rozhdenie imperii [The Fall of Kazan – the birth of an empire], in *Gornye marijcy na rubezhe vekov. Mat. i dok. Respublikanskoj konferencii, posvyashchennoj 450-letiyu vhozhdeniya gornyh mari v sostav Rossijskogo gosudarstva* [Mountain Mari at the turn of the century. Mat. and doc. Republican conference dedicated to the 450th anniversary of the entry of the Mari mountains into the Russian state]. Yoshkar-Ola: Mari State University Press, 2002. Part 1. Pp. 79–83 (in Russian).
- Ermolaev I.P. Piscovaya kniga Ivana Boltina kak istochnik [Ivan Boltin's Scribe Book as a source], in *Piscovaya kniga Kazanskogo uezda 1602–1603 godov* [The scribe's book of Kazan County 1602–1603]. Ed. by I.P. Ermolaev, M.A. Usmanov. Kazan: Kazan University Press, 1978. Pp. 5–31 (in Russian).
- Ilyushin B.A. *Ocherk voennogo dela i voennoj istorii mordvy, marijcev i chuvashej v sostave Rossijskogo gosudarstva XVI–XVII vekov* [An essay on military affairs and military history of the Mordvins, Mari and Chuvash as part of the Russian state of the 16th–17th centuries]. Novosibirsk: NGU Publ., 2021. 240 p. (in Russian).
- Kazanskaya istoriya* [Kazan Chronicle]. Ed. by V.P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1954. 194 p. (in Russian).

Mel'nikov P.I. (Andrej Pecherskij). *Ocherki mordvy* [Essays of the Mordvins]. Saransk: Mordovian Book Publishing House Publ., 1981. 134 p. (in Russian).

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagajskoyu ordami i s Turciej. Ch. 1. 1474–1505 gg. [Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nagai Hordes and with Turkey. Part 1. 1474–1505], in *Sbornik Imperatorskogo Rossijskogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 41. St. Petersburg: F. Eleonsky and Co. Publ., 1884. 558 p. (in Russian).

Piscovaya kniga Kazanskogo uezda 1602–1603 godov [The scribe's book of Kazan County 1602–1603]. Ed. by I.P. Ermolaev, M.A. Usmanov. Kazan: Kazan University Press, 1978. 240 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL). T. I. Lavrent'evskaya letopis' [The Complete Collection of Russian Chronicles (PSRL). Vol. 1. The Laurentian Chronicle]. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1962. 578 p. (in Russian).

PSRL. T. XIII. Pervaya polovina. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [PSRL. Vol. 13. The first half. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg: I.N. Skorohodov Publ., 1904. 302 p. (in Russian).

Poslaniya Ivana Groznogo [The Epistles of Ivan the Terrible]. Ed. by V.P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1951. 715 p. (in Russian).

Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1571–1577 gg. [The Embassy book on the relations of the Moscow state with the Crimea. 1571–1577]. Ed. by I.V. Zaitsev. Moscow: ID Marjani Publ., 2015. 400 p. (in Russian).

Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogajskoj Ordoj. 1489–1549 gg. [Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde 1489–1549]. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House Publ., 1995. 360 p. (in Russian).

Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv. Statejnye spiski [Travels of Russian ambassadors of the 16th–17th centuries. Article lists]. Ed. by D.S. Likhachev. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1954. 490 p. (in Russian).

Rasovskij D.A. *Polovcy. Chernye klobuki: pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Vizantii (raboty raznyh let)* [Polovtsy. Black hoods: Pechenegs, Torques and Berendei in Russia and Byzantium (works of different years)]. Moscow: TsIVOI Publ., 2012. 237 p. (in Russian).

The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 123. Kn. 10.

Halikov A.H. *500 russkikh familij bulgaro-tatarskogo proiskhozhdeniya. Bolgar-tatar chygyshty 500 rus familiyase* [500 Russian surnames of Bulgarian-Tatar origin]. Kazan: Publishing House "Kazan", 1992. 192 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 31.01.2022

РОССИЯ И ЕЕ ЮЖНЫЕ ПРОВИНЦИИ В СВЯЗЯХ С СОСЕДНИМИ ТЮРКСКИМИ СООБЩЕСТВАМИ ИЗ ПРЕЖНЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ЭТНОИСТОРИЯ XV–XVIII вв. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОСТИ)

Викторин Виктор Михайлович

Астраханский государственный университет,
Астрахань, Россия
victvic@mail.ru

Аннотация. Публикация подготовлена в плане актуальной дискуссии о судьбах приграничных славяно-тюркских взаимоотношений как очень противоречивых и многогранных. Показаны разноплановость интересов с обеих сторон, разграничение и взаимосвязь оседлого и кочевого мира. Обозначен т.н. «интерстадиал» (лат. «зазор между ступенями») как практически непереносимый этап вхождения ханств, орд и родоплеменных структур в состав Российского государства. Подчеркнут разноуровневый характер общения в сферах власти и дипломатии, боевой конкуренции и в личных контактах, непереносимых в соседних этносах. Привлечены примеры перехода от Астраханского ханства к российскому Астраханскому воеводству. Как любопытные предметы для рассмотрения предстают менявшие друг друга ситуации «войн» и «мира», положения «свои – чужие» в необычных вариантах «свои, осевшие среди чужих» и «чужие, но все более близкие к своим». Некоторые ситуации пока еще малоизучены: об особых интересах Османской Турции на Дону и на Волге, о мирном курултае на р. Казанке в середине августа 1551 г., о традициях трактовки давних событий, переживших столетия до наших дней и др.

Ключевые слова: завоевания и властные процессы, порубежье и приграничное общение, Россия, наследие Золотой Орды, Астрахань и ханство, воеводство и губерния; орды и племена; кочевые и оседлые жители.

Цитирование: Викторин В.М. Россия и ее южные провинции в связях с соседними тюркскими сообществами из прежней Золотой Орды (этноистория XV–XVIII вв. в оценках современности) // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 211–218. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-211-218 / Victorin V.M. Russia and Its Southern Provinces in Ties with Neighboring Turkic Societies from the Former Golden Horde (Ethnohistory of the 15th–18th Centuries in Assessments of the Present), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 1. Pp. 211–218. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-211-218.

© Викторин В.М., 2022

RUSSIA AND ITS SOUTHERN PROVINCES IN TIES WITH NEIGHBORING TURKIC SOCIETIES FROM THE FORMER GOLDEN HORDE (ETHNOHISTORY OF THE 15TH–18TH CENTURIES IN ASSESSMENTS OF THE PRESENT)

Victorin Victor M.

Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia
victvic@mail.ru

Abstract. The publication has been prepared in the context of an actual discussion about the fate of the border Slavic–Turkic relations as very contradictory and multifaceted. The diversity of interests on both sides, the delimitation and interconnection of the settled and nomadic world are shown. The multi-level nature of such communication in the spheres of power, diplomacy, combat competition and personal contacts, indispensable in neighboring ethnic groups, is emphasized by the author. Designated by the so-called “Interstadial” (lat. “gap between steps”) as an almost indispensable stage in the entry of ethnoses, khanates, hordes and tribal structures into the Russian state. Examples of the transition from the Astrakhan Khanate to the Russian Astrakhan Voivodeship are cited. The changing situations of “wars” and “peace” appear as curious subjects for consideration and positions “ours – strangers” in unusual versions “our own, settled among strangers” and “aliens, but more and more close to ours” appear interestingly. Some situations are still poorly understood: about the special interests of Ottoman Turkey on the Don and the Volga, about the peaceful “Kurultay” on the river, Kazanka in the mid-August 1551, about the “traditions of interpretations” of ancient events that have survived centuries to the present day, etc.

Keywords: conquests and power processes, frontiers and cross – border communications, Russia; the heritage of the Golden Horde, Astrakhan Khanate, voivodeship and province, hordes and tribes, nomadic and settled worlds.

Включаясь в дискуссию «Россия и тюркские ханства...», выскажем сразу несколько идей по этнической стороне данных процессов. В рассматриваемый период, с конца XV в., по окраинам молодого еще тогда Российского (Московского) государства пролегла евразийская граница Востока и Запада, с динамикой этносов, конфессий, языков и традиций.

События разворачивались для России в ее проблемном соседстве на юге и востоке с совсем новыми (на «осколках» Золотой Орды), иными многоликими образованиями. Контактывали тогда на степных и лесостепных пространствах кочевой и оседлый миры [Викторин, 2006, с. 7–8] и многие этнические массивы, в разных пропорциях.

На стыке двух граничивших миров еще возникали интересные, переходные этногруппы. Как примеры приведем ногайско-крымскую боевую аристократию в Польско-Литовском королевстве, а также татароязычных православных, т.н. «кряшен», вокруг г. Казани, тюркоязычных греков Крыма, а затем Приазовья, т.н. «урумов», и не очень ясных славян-мусульман, т.н. «хешдеков», в центрах ханств. Не упустим и множество малых родоплеменных групп, на которые распалась к началу XV в. Большая Орда и которые часто откалывались от ногайских орд.

Астраханское ханство, непрочное и недолговременное (полвека «признанного» бытования – И.В. Зайцев [Зайцев, 2006]), строилось на кочевой, скотоводческой основе. Ханство Казанское же было почти полностью оседло-земледельческим. А вот в Крыму и вокруг него сочетались оба элемента (так отмечал известный отечественный тюрколог прошлого В.Д. Смирнов, астраханец по рождению, с побережья Прикаспия). И в Западной Сибири уживались несколько укладов.

Реальным фактом истории и внешней потребностью России стало ее продвижение на юг, «по рекам к морям». А усилиями купцов Строгановых, с участием казачества, – началось и освоение Сибири. Южное же порубежье «откликалось» военными походами и набегами на их север, на Россию и на Польшу с Литвой. Непokoйным чаще всего бывало соседство с Казанским ханством.

Но все яснее становится, что сперва Российское государство избегало включать в свои пределы окрестные ханства, тем более завоевывать их [Худяков, 1991, с. 51–54, 122–124, 167; Россия и степной мир..., 2006, с. 189, 192–193, 242; Васильев, 2010, с. 28; История Астраханского края, 2000, с. 158]. Предпочтительнее для царских властей были бы условные автономии, по «касимовскому» типу. Но пророссийские (якобы) власти в ханствах не оказались надежными. И итог сложился тот, который знает история.

В Астраханском ханстве (точнее, в «Хаджитарханском», с иным городом-центром, чем после, в России) сами ханы Ямгурчей и затем Дербыш-Али, в начале 1554 и начале 1556 гг., возглавили сопротивление, в Казанском это совершила группа военных, менявших подчинение не раз. Через 230 лет в Крыму сам последний хан отрекся от престола и был принят – сначала в России, где остались его потомки, а после – в Турции, где с ним и расправилась его династийная родня.

Сибирский хан Кучум вел кочевую партизанскую войну до начала XVII в., когда его сыновей и внуков («Кучумовичей») потеснила, по кромке новых владений России, новая влиятельная сила – ойрато-калмыки, быстро охватившая степи до берегов р. Волги и воеводства в г. Астрахань (во главе с зайсангами и тайшами – Чингисидами по боковой, «женской» линии).

На наш взгляд, далеко не все диктовалось одним «статусом и престижем» для набравшего силу Российского (Московского) государства. Основную решающую роль играли хозяйственные интересы и прагматика большой политики. Но присутствовал и некий контекст тех лет. Так, требуя от России «поминок», т.е. неизменных регулярных выплат (даже малых-символических, или с «поминками в ответ»), ханства ссылались на «Батыевы времена» [Россия и степной мир..., 2006, с. 279; Зайцев, 2006, с. 188, 256]. А при первом же рейде на Хаджи-Тархан (ныне город Астрахань) царь Иван IV Грозный «вспомнил» летописную эпоху «святого князя Владимира» и его «поход корсунский», когда в южное и приморское Тмутараканское княжество (с населением русским) был назначен киевский наместник.

И царским окружением середины XVI в. в качестве некоей «волжской» Тмутаракани, «древним отечеством» был «определен» ордынский и ханский город вблизи Каспия, с созвучным именем [Худяков, 1991, с. 165; Россия и степной мир..., 2006, с. 240; Карабущенко, 2009, с. 22–24, 27–34]. «Обоснование» нашлось, и царский титул удлинился.

Во всех вновь присоединенных к России территориях имел место этап первичной адаптации в новых условиях. Автором был выделен период «интерстадиала от Астраханского ханства к Астраханскому воеводству» [Викторин, 1995, с. 7–8]. Предположим смело, что подобный промежуток – «интерстадиал» (лат. «зазор между ступенями» – В.В.) – прослеживался и при присоединении иных ханств и орд.

Этим путем отлаживалась система обложения налогами, укреплялась местная администрация (с выходцами из различных слоев и этносов). Позиции «своих» и «чужих» при этом скоро перемежались и «обрастали» вариациями: «свои, нашедшие себя среди чужих» и «чужие, приблизившиеся к своим». Отметим участие в процессах и полиэтничного служилого казачества.

Так и «понятие российского подданства» складывалось в порубежье постепенно и поэтапно: через рост присутствия, созданием первичных форпостов. Такая база, крепость Свияжск, была основана к лету 1551 г. в правобережье, но вблизи центра ханства, г. Казани. И сразу подданство России приняла вся «горная сторона» (марийцы – черемисы и чуваша). Без того не состоялся бы в середине августа 1551 г. в устье р. Казанки весьма интересующий нас, миролюбивый Курултай ханства [Худяков, 1991, с. 137–138, 192; Россия и степной мир ..., с. 226–227].

Сразу по присоединении Астраханского ханства, летом 1556 г., приняли посланцев воеводы и заявили о своем подданстве остатки тюрок-«хаджитарханцев», кочевавшие по р. Ахтубе. Далее, в состав воеводства (у П.С. Карабущенко – нового «царства» России), вступил, «по рр. Сулаку и Тереку», Терской городок с окрестностями

[Васильев, 2010, с. 16; Россия и степной мир ..., с. 242]. В последнем, во власти кабардинских князей Черкасских (Идаровых), проживали, кроме княжеских сородичей, еще и «окочане» — дагестанская ветвь чеченцев-вайнахов: обе группы — отчасти мусульмане, отчасти грузинско-православные. Все они обязались нести службу русскому царю.

А через два года, в 1558 г., под новую крепость Астрахани в левобережье массами бежали большеордынские ногайцы, страдавшие от распрей мурз, эпидемии и бескормицы скота (дипломат из Англии Э. Дженкинсон сообщал подробно об этом). Их полукочевое поселение Юрт (затем и доняне — Тияк) возникло примерно в полутора верстах южнее Крымской башни кремля.

Астраханский автор, социополитолог и элитолог П.А. Карабущенко неслучайно именуется прежнее ханство недееспособным и несuverенным, притом с «проклятием» краха и отсутствия элиты [Карабущенко, 2009, с. 13–14, 35–37]. Да, прежняя хаджитарханская династия ханов просто распалась при присоединении региона. Одни подались к крымскому хану, другие — к московскому царю (так и у И.В. Зайцева). Добавим: боковая ветвь потомков, Джаниды-Аштарханиды, утвердились с начала XVII по конец XVIII в. во власти узбекского, Бухарского ханства. Из вероятных Чингисидов при Астрахани в России нам известны Ямгур(ч)еевы — Джангуршины — Жингуржины, вернувшиеся в Нижневолжье вероятные потомки хана Ямгурча [Викторин, 2013, с. 67, сн. 3, 75, 6].

Но вот «выслуживаться» за деяния «предка» им приходилось с большим трудом. По преданию, один из них съездил на дворянское мусульманское собрание в Петербург и виделся с императрицей. Другой получил в ведение улус «отставших от побега калмыков» — ногайцев-утаров и др. подвластных бежавшим кочевых тюрок. Но уже в начале XIX в. третьему потомку было отказано в дворянском достоинстве; он и семья были поверстаны в мусульманское казачество пригородной стан. Казачьебугоринской. Урядник Керим-ага Жингуржин отличился в боевых действиях в Туркестане. А сын его, Туктамыш Керимович, участник Великой Отечественной войны, был удостоен воинских наград страны.

«Второй урвневый разряд» составляли эмиры и беки, в т.ч. и ногайские Эдигеевичи с потомками. Некоторые, Урусовы и Тинбаевы — Тимбаевы, сохранили статус «мурз» в пока полуседлых селениях, т.н. «табунах», юртовских «ногае-татар» вокруг г. Астрахань. А те из их родства, кто принимал православие (по документам Государственного архива в Астрахани), без труда получали дворянство и российский титул «князь». Остальные, как и Джангуршины — Жингуржины (более знатные, чем род Эдигея, но браки с теми заключавшие), несмотря на все прошения императору от начала XIX в. оказались в мусульманской части Астраханского казачества. Хотя порой преуспевали там [Викторин, 2013, с. 60–79].

Коснемся больше роли султанской Турции и ханского Крыма в «многовековой борьбе» России с ними. Отметим частые побеги группами «на Кубань» полукочевых

астраханцев (так у И.В. Торопицына). Хотя бывало и движение обратно: от семей до больших этногрупп. Назовем отдаленно родственных пригородным «юртовцам» ногайцев-карагашей, находившихся в плену с конца русско-турецкой войны и к началу 40-х гг. XVIII в. подчиненных калмыкам и доставленных ими на Нижнюю Волгу. Освободились они в 1771 г. (год «побега» калмыков в Джунгарию и отмены ханства) и получили от императрицы Екатерины II земли для полуседлости в Красноярском уезде губернии.

Но некоторые аспекты турецкого влияния на Нижневолжье остаются загадочными. В качестве примера можно привести турецко-крымский поход на Астрахань в 1569 г. Обосновано мнение, что дальней целью нападавших было «отторгнуть Казань и Астрахань от России» (ключарь К.В. Васильев и мн. др.). И М.Г. Худяков посчитал, что турки и крымцы «заняли Астрахань, но не смогли ее удержать» [Худяков, 1991, с. 166]. На деле войско вступило на место прежнего Хаджи-Тархана, где давно были скрыты укрепления, а жителей не было. После чего отряды встали на берегу Волги, напротив новой Астрахани.

Автор «Ключаревской летописи» от 30-х гг. XIX в. пересказал предание, как к «походу султана Сулеймана (?! – В.В.)» жителей прежнего Хаджи-Тархана срочно переправили через Волгу и поселили («хаджитарханцев»-горожан?! – В.В.) «по разным буграм». Курьезы множилось. Воевода якобы смело вышел навстречу противнику и под Моздоком «всю многочисленную сволочь..., усталую... в два часа положил на месте», кроме двадцати начальствовавших, «взятых для языка» в плен [Васильев, 2010, с. 15].

В «Астраханской летописи» от 1897 г. А.Н. Штылько дал более близкую к вероятности картину: нападавшая армия выстроила на противоположном берегу «деревянную крепостицу». Но зимовать здесь все же не стала, а в конце сентября сооружение сожгла и удалилась в обратный путь [Штылько, 2011, с. 5]. Так «Стояние на р. Волге» оказалось для сил вторжения безрезультатным. А детали былого еще изучать и постигать.

Любопытна еще проблема судеб «христианских пленников («полоняников»)» во всем Казанском ханстве [Худяков, 1991, с. 138–139, 214–216, 223], освободить которых не удалось сразу, а также и немалочисленных бывших «полоняниц», решивших остаться в своих межэтнических семьях. Крайне важным вновь полагаем общий куртулай Казанского ханства от 14 августа 1551 г. на р. Казанке с решением подчиниться русскому царю в составе его страны [Худяков, 1991, с. 137–138, 192]. И захвата Казани с жертвами в несколько десятков тыс. человек, похоже, удалось бы избежать.

Итак, рассматривать внимательнее следует общие тенденции во всех ханствах и ордах, в т.ч. и в первое время их подчинения. Актуальность изучения славяно-тюркской основы России по-прежнему несомненна. Хотя здесь сейчас больше проблем, нежели достоверно точных решений. И прогнозируем надолго обширную сферу энергичной работы в науке: и для нынешнего поколения исследователей, и для последующих.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Васильев К. Ключаревская летопись: история о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, об архиереях в одной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань: ООО «Типография "Нова"», 2010. 132 с.

Викторин В.М. Этнополитический интерстадиал XVI–XVII вв. и его носители (от Астраханского ханства к Астраханскому воеводству) // *Проблемы взаимодействия национальных культур (Межэтнические общения в полиэтническом регионе)*. Сб. тез. регионал. научн. конф. Ч. I. Астрахань: Общ-во и издат-во «Этнополис», 1995. С. 7–8.

Викторин В.М. Российское государство и кочевые народы. Очерк V // *Россия и степной мир Евразии. Очерки*. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2006. С. 319–357.

Викторин В.М. Мурзы и эмеки в этносоциальной среде ногайцев – едисанцев (джетисанцев) при г. Астрахани в XVII–XIX вв.: к эволюции сообщества при переходе к оседлости // *Политическая и этносоциальная история тюркских народов и государств (Turcologica – Тюркологический сборник. 2011–2012)*. М.–СПб./: Наука – Восточ. лит-ра, 2013. С. 60–79.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Издат. фирма «Восточ. лит-ра» РАН, 2006. 303 с.

История Астраханского края. Колл. краевед. монография. Гл. ред. Н.М. Ушаков. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 1120 с.

Карабущенко П.А. Астраханское царство (научно-попул. изд.). Астрахань: Издат. дом «Астрахан. ун-т», 2009. 280 с.

Россия и степной мир Евразии. Очерки. Сост. Викторин В.М., Кривошеевы М.В. и Ю.В., Михайлова И.Б., Шапошник В.В. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2006. 432 с.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: Изд-во «Инсан», 1991. 320 с.

Штылько А.Н. Астраханская летопись: историч. изв., события, постановления правительств. и др. учреждений и факты из обществ. жизни г. Астрахани с 1554 г. по 1896 г. включит. Астрахань: Изд-ль Ром. Вас. Сорокин, 2011. 204 с.

REFERENCES

Vasil'ev K. Klyucharyovskaya letopis': istoriya o nachale i vozobnovlenii Astrahani, sluchivshihsy v nej buntah, ob arhierayah v onoj byvshih, a takzhe o voevodah, gradonachal'nikah i gubernatorah [The Klyuchar's Chronicle: the story of the beginning and renewal of Astrakhan, the riots that took place in it, about the former bishops in it, as well as about the vоеvodas, mayors and governors]. Astrakhan: ООО "Tipografiya "Nova"". 2010. 132 p. (in Russian).

Victorin V.M. Etnopoliticheskiy interstadial XVI–XVII vv. i ego nositeli (ot Astrahanskogo hanstva k Astrahanskomu vovodstvu) [Ethnopolitical interstadial of the 16th–17th centuries and its carriers (from the Astrakhan Khanate to the Astrakhan Voevodship), in *Problemy vzaimodejstviya nacional'nyh kul'tur (Mezhethnicheskie obshcheniya v polietnicheskom regione)*. Sb. tez. regional. nauchn. konf. [Problems of interaction of national cultures (Interethnic communication in a multi-ethnic region). Abstracts of regional. scientific. conf.]. P. 1. Astrakhan: "Ethnopolis" Publ., 1995. Pp. 7–8 (in Russian).

Victorin V.M. Rossiyskoe gosudarstvo i kochevyye narody. Och. V Russian state and nomadic peoples. Essay 5), in *Rossiya i stepnoj mir Evrazii. Ocherki* [Russia and the Steppe World of Eurasia. Essays]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2006. Pp. 319–357 (in Russian).

Victorin V.M. Murzy i emeki v etnosocial'noj srede nogajcev – edisancev (dzhetisancev) pri g. Astrahani v XVII–XIX vv.: k evolyucii soobshchestva pri perekhode k osedlosti [Murzas and Emeks in the ethnosocial environment of the Nogai-Edisan (Dzhetisan) under the city of Astrakhan in the 17th–19th centuries: towards the evolution of the community during the transition to settled life], in *Politicheskaya i etnosocial'naya istoriya tyurkskih narodov i gosudarstv (Turcologica – Tyurkologicheskij sbornik. 2011–2012)* [Political and ethnosocial history of the Turkic peoples and states (Turcologica – Turkological collection. 2011–2012)]. Moscow–St. Petersburg: Nauka–Vostochnaya Literatura Publ., 2013. Pp. 60–79 (in Russian).

Zaytsev I.V. *Astrahanskoe hanstvo* [Astrakhan Khanate]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006. 303 p. (in Russian).

Istoriya Astrahanskogo kraja. [History of Astrakhan Region]. Coll. reg. monography. Ed. by N.M. Ushakov Astrakhan: Pedagog. Institut. Astrahan. gos. ped. un-ta Publ., 2000. 1120 p. (in Russian).

Karabushchenko P.A. *Astrahanskoe tsarstvo* [Astrakhan Tsardom]. Popular science publication. Astrakhan: Astrakhan University Press. 2009. 280 p. (in Russian).

Rossiya i stepnoj mir Evrazii. Ocherki [Russia and the Steppe World of Eurasia. Essays]. Compiled by Victorin V.M., Krivosheev M.V., Krivosheev Yu.V., Mikhailova I.B., Shaposhnik V.V. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2006. 432 p. (in Russian).

Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo hanstva* [Essays on the History of the Kazan Khanate]. Moscow: Insan Publ., 1991. 320 p. (in Russian).

Shtyl'ko A.N. *Astrahanskaya letopis': istorich. izv., sobytiya, postanovleniya pravitel'stv. i dr. uchrezhdenij i fakty iz obshchestv. zhizni g. Astrahani s 1554 g. po 1896 g. vkladychno* [Astrakhan Chronicle: Historical events, decisions of governments. and other institutions and facts from societies. life of Astrakhan from 1554 to 1896, included]. Astrakhan: R.V. Sorokin Publ., 2011. 204 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 31.01.2022

РОССИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: НАУЧНЫЕ ОЦЕНКИ И ПАРАДИГМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Кочегаров Кирилл Александрович

Институт славяноведения РАН,

Москва, Россия

kirill-kochegarow@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе предложенных редакцией журнала «Новое прошлое / The New Past» вопросов для дискуссии рассматриваются основные тенденции изучения взаимоотношений Московской Руси и пост-ордынских государств в раннее Новое время. Отталкиваясь от достижений современной отечественной историографии (работ А.Л. Хорошкевич, В.В. Трепавлова, И.В. Зайцева, А.В. Белякова и других), автор рассматривает проблему т.н. политического наследия Золотой Орды, предлагая отделять реальное политическое наследие, выразившееся в подчинении бывших ордынских улусов, от наследия идеологического, которое никогда не существовало в виде оформленной внешнеполитической концепции. Отмечая актуализацию золотоордынского нарратива в общественном сознании после 1991 г. и появление новых, позитивных по сравнению с прошлым, коннотаций в его оценке, автор подчеркивает, что в то же время этот нарратив не особенно сочетается с политикой исторической памяти современного российского государства, которая концентрируется на военных победах и триумфах прошлого.

Ключевые слова: Золотая Орда, золотоордынское наследие, Россия, Крымское ханство, Чингисиды, царский титул, политика памяти.

Цитирование: Кочегаров К.А. Россия и политическое наследие Золотой Орды: научные оценки и парадигмы общественного сознания // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 219–228. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-219-228 / Kochegarov K.A. Russia and the Political Legacy of the Golden Horde: Academic Interpretations and Patterns of Social Consciousness, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 1. Pp. 219–228. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-219-228.

© Кочегаров К.А., 2022

RUSSIA AND THE POLITICAL LEGACY OF THE GOLDEN HORDE: ACADEMIC INTERPRETATIONS AND PATTERNS OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

Kochegarov Kirill A.

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russia
kirill-kochegarow@yandex.ru

Abstract. Based on the discussion questions of the editorial board of the “Novoe Proshloe / The New Past” journal, the paper touches upon main tendencies in the studies of relations between Muscovite Rus’ and post-Golden Horde states in the Early Modern period. Taking into account various achievements of modern Russian historiography (works of Anna Choroshkewich, Vadim Trepavlov, Ilya Zaytsev, Andrey Belyakov and others) the author considers the problem of the political heritage of the Golden Horde, proposing to separate the real political heritage, expressed in the subjugation of the former Horde uluses, from the ideological heritage, which never existed in the form of a formalized foreign policy concept. Nowadays, history of the Golden Horde became more relevant in the public consciousness in Russia. New positive opinions on the Golden Horde have been occurring since 1991. However, they do not correspond clearly with the official memory policy of Russia that concentrates mainly on military victories and triumphs of the past.

Keywords: The Golden Horde, the Golden Horde’s legacy, Russia, the Crimean khanate, Genhgis khan’s dynasty, the tsars’ title, memory policy.

XV–XVI вв. стали временем быстрого роста внешнеполитического влияния российского государства. Процесс этот, как известно, включал не только подчинение последних независимых от Москвы земель Северо-Восточной Руси, но и активизацию взаимодействия с более крупными и политически значимыми субъектами международных отношений Восточной Европы. В их число входили Великое княжество Литовское, а затем шляхетская Речь Посполитая, Ливонский орден и, безусловно, Золотая Орда и ее исторические наследники: Большая Орда, достаточно быстро сошедшая с исторической сцены, Крымское ханство, Казанское ханство и др. Отношения с пост-ордынскими государствами имели большое значение для Москвы. Любое геополитическое пространство не терпит пустоты, и ослабление, а затем и распад Золотой Орды, несомненно, ставил перед русскими государями *вопросы политического освоения* тех огромных территорий, которые ранее были безраздельной вотчиной Чингисидов. С учетом достижений современной историографии в сфере изучения русско-крымских, русско-османских, русско-астраханских и русско-ногайских отношений [Хорошкевич, 2001; Зайцев, 2004; Зайцев, 2006; Трепавлов, 2020; История крымских татар, 2021 и др.] вектор взаимодействия Московской Руси с пост-ордынскими государствами, безусловно, нельзя сводить исключительно к задаче ликвидации пресловутой «татарской угрозы». Скорее речь здесь может идти об экспансионизме, обусловленном политическими и экономическими предпосылками. Иноверный характер тюркских государственных образований давал в руки русских властей важное идеологическое обоснование не только их силового подчинения, но и последующей колонизации присоединенных территорий, но эта идеология исходила скорее не из претензий русских царей на символическое наследие Чингисидов, а из традиционных для средневековых обществ противопоставлений «своих» и «чужих», основанных на религии, которые оправдывали и даже поощряли подчинение христианами нехристианских обществ.

Более того, историкам хорошо известны «геополитические претензии» Ивана III и Ивана IV на древнерусское наследство, неоднократно высказывавшиеся в ходе переговоров с польско-литовскими дипломатами на протяжении XVI в. Эта традиция вновь ожила в середине XVII столетия, в ходе событий, связанных с присоединением Украины. Любопытно, что русская и украинская дипломатия именно в духе восстановления исторических прав Романовых как законных наследников Рюриковичей на всю территорию Древней Руси объясняли произошедшее вхождение Украины в состав России крымским дипломатам в конце 1670-х–начале 1680-х гг. [Усачев, 2012, с. 69–87; Флоря, 2019, с. 15–19; Кочегаров, 2010, с. 112; Кочегаров, 2019, с. 227].

Если мы посмотрим на проблему освоения «геополитического наследства» Золотой Орды с точки зрения символики и репрезентации власти, то здесь каких-то идеологических претензий на него также не обнаруживается. Формирование церемониала царского двора, в т.ч. складывания чина венчания на царство, а следовательно, и традиции репрезентации власти имели несомненное византийское влияние. Конфессиональные рамки этого процесса исключали какую-либо декларацию

преемственности царской власти от власти иноверных правителей – ордынских ханов, хотя, как отмечает Б.А. Успенский, «наименование “царем” на Руси могло означать ориентацию как на византийского императора, так и на татарского хана; в разных исторических условиях преимущественный акцент мог делаться на уподоблении того или иного рода», при этом «последующая эволюция царского и императорского титула обнаруживает стремление избавиться от ассоциации царя и татарского хана и, напротив, подчеркнуть византийские и православные коннотации слова “царь”» [Успенский, 2000, с. 34–52; Савва, 2012].

Нельзя вместе с тем отрицать, что покорение таких крупных политических образований, как Астрахань и, особенно, Казань, стало безусловно важным фактором роста престижа нарождавшегося русского самодержавия, символом чего стало и включение наименований «царь Казанский» и «царь Астраханский» (1556 г.) в объектную часть царского титула сразу после наименований «всёя Руси, Московский, Владимирский, Новгородский» [Филюшкин, 2006, с. 205–210; Пчелов, 2012, с. 87–88]. При этом в XVII в. после присоединения Малой России новое объектное наименование – «Киевский» включается в титул сразу после «Московского» [Талина, 2013, с. 171].

В Новое время, да и в другие исторические эпохи, при планировании внешнеполитических акций каждый правитель рассчитывал повысить свой престиж и статус, и борьба московских правителей с тюркскими государствами Восточной Европы – наследниками Золотой Орды – не исключение. С точки зрения практической политики Русское государство действительно выступало одним из «наследников» Золотой Орды, хотя идеологически подобные претензии на ее геополитическое наследие его правители никак не обосновывали.

Завоевание Россией ряда тюркских ханств и последовавшее взаимодействие включенных в состав царской державы неславянских народов, безусловно, способствовало взаимному расширению представлений обеих сторон об образе и репрезентации власти, а также о повседневной политической практике. Русское правительство, не претендуя на символическое ордынское наследие, в то же время, как показал В.В. Трепавлов, активно использовало те представления о природе власти, подданстве и лояльности, которые уже сложились у тюркских народов, и учитывало их в своей политике. Последние в свою очередь воспринимали новых, пусть и православных, правителей как преемников прежних властителей, и прежде всего татарских ханов. Параллельно в среде неславянских народов Московского царства и Российской империи формируется образ «белого царя» – российского монарха, который воспринимается как законный правитель, не всегда ассоциирующийся с теми действиями местной власти, которые носили негативный для коренного населения характер. Подобные представления отражали, как представляется, и процесс мирной интеграции (сама по себе интеграция не исключала и насильственных мер) тюркских народов в формирующееся общероссийское политическое и культурное пространство [Трепавлов, 2007].

Происходившая в процессе подчинения Россией тюркских государств интеграция их элит носила двойственный характер. С одной стороны, в XVI в., по мере активизации Россией своей восточной политики, выездные татарские царевичи, в том числе Чингисиды, использовались для решения различных внешнеполитических задач. Во многих случаях их переселение в Московское государство поощрялось, чтобы нейтрализовать владельческие и политические претензии Чингисидов и облегчить утверждение русского влияния в конкретном регионе. В.В. Трепавлов назвал это «практикой „прикармливания” тюркской знати». С другой стороны, татарские царевичи, выезжавшие на русскую службу, несмотря на родовитость (выше их ставились только Калитичи), высокие должности и богатые пожалования, оставались, по выражению А.В. Белякова, «ненужными людьми», о которых «забывали или стремились забыть сразу же после того, как они выполняли очередную задачу, поставленную перед ними». Они плохо вписывались «в общую среду служилого сословия», но в конце концов, по мере принятия православия, были инкорпорированы в нее. К началу XVIII в. Чингисиды уже не играли в придворной и политической жизни заметной роли; более повезло в этом смысле потомкам темника Едигея — князьям Урусовым и Юсуповым, которые вошли в число знатнейших и богатейших родов империи [Беляков, 2011; Трепавлов, 2014, с. 200–215]. В целом, как видно, территориальное расширение и укрепление самодержавной монархии имело свою неумолимую логику: представители тюркских элит нужны были центральной власти как инструмент политического влияния в период неустойчивых отношений с пост-ордынскими государствами либо нестабильной ситуации на территориях, где они существовали незадолго до того. Однако по мере ее укрепления нужда в них именно как в агентах политического влияния отпадала, и им оставался лишь путь полного слияния с правящим классом российского государства.

Процесс поглощения Российской империей последнего «улуса» бывшей Золотой Орды — Крымского ханства в XVIII в. стоит рассматривать в широком контексте, учитывающим формирование в позднее Средневековье и раннее Новое время в Центральной, Южной и Восточной Европе огромных многонациональных империй — Османской Порты, державы Габсбургов и Российской империи, которые поглотили многие более мелкие и слабые государственные образования. Особенно это касается Австрии и России, которые в конце XVII–XVIII вв. расширяли свои границы, в том числе за счет слабевшей Османской империи. Последняя, в не слишком успешных попытках сохранить свой территориальный статус кво (а ранее, в XVII в., и закрепить за собой новые завоевания, как, например, Подолию и Правобережную Украину), сама настаивала на установлении четко обозначенных рубежей (в т.ч. с Россией по Константинопольскому миру 1700 г.) и впоследствии через посредство губернатора Силистры и сераскера Юсуфа-паши регулярно высказывала русской стороне претензии в пограничных разбоях со стороны подвластных царю казаков, требуя соответствующих компенсаций. Таким образом, верховный сюзерен Крымского ханства активно участвовал в процессе трансформации неразграниченных буферных зон Северного Причерноморья в четко размеченные территории с очевидными внешними признаками их принадлежности конкретному

суверену. Все это снижало внешнеполитические возможности Крымского ханства, которое ранее играло не только на противоречиях между крупнейшими державами Восточной Европы – Россией и Речью Посполитой, – но укрепляло свои военно-экономические позиции за счет возможности оперировать в протяженном степном пограничье Дикого поля, которое не только слабо контролировалось (или вовсе не контролировалось) теми крупными политическими субъектами, которые претендовали на свою власть над этими землями, но и не имело осязаемых признаков, указывающих на границы этого призрачного контроля.

В XVI–XVII вв. положение Крымского ханства под властью Османской империи было относительно комфортным и позволяло не только сохранять прочные политические позиции в Восточной Европе, но и даже укреплять их, претендуя на верховную власть над казацкой Украиной [Wójcik, 1954, s. 609–634]. Однако общее ослабление Порты в результате войны с коалицией христианских держав 1683–1699 гг. и последующих русско-турецких войн обнажило готовность Стамбула жертвовать интересами Крыма в угоду желанию более четко фиксировать границы своих владений. Константинопольский мир 1700 г., утвердивший состоявшийся ранее отказ от выплаты поминок, стал важным водоразделом в русско-крымских отношениях: Россия отказалась от прямых официальных контактов с ханом (велись через украинского гетмана и азовских воевод), да и в целом в XVIII в. ханство потеряло то значение в русской внешней политике, которое имело ранее. Османская империя, способствовавшая включению Крыма в систему линейных границ, до последнего боролась за сохранение над ним своего сюзеренитета – вопрос этот был одним из ключевых и наиболее острых на переговорах по заключению Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., по которому ханство получало политическую независимость от султана [Дружинина, 1955, с. 199–277].

Оценивая присутствие / отсутствие золотоордынского нарратива в современном общественном сознании и в дискурсах вокруг т.н. «политики памяти», формируемой различными уполномоченными административными институциями в рамках воплощения в жизнь некоего официально сформулированного взгляда на те или иные события, следует выделить два важных момента. Во-первых, с официально декларируемыми и проводимыми в жизнь тезисами (с одной стороны – о многоконфессиональности и многонациональности России, а с другой – о ее особом, евразийском цивилизационном пути) наследие Золотой Орды стало более востребовано. Во-вторых, это наследие не имеет четкого соотнесения с системой координат весьма популярного и активно насаждающегося ныне т.н. победного нарратива, когда военные триумфы и территориальное расширение России преподносятся как одни из важнейших событий отечественной истории.

В официальном перечне дней воинской славы и памятных дат России есть лишь две, косвенно связанные с золотоордынским наследием, – это день Куликовской битвы и день принятия Крыма в состав России в 1783 г. Отрицать влияние первого события на политическую историю Руси и формирование самосознания русского народа трудно; это и обусловило его включение в упомянутый перечень. Вместе

с тем годовщина Куликовской битвы никогда не отмечалась на высоком официальном уровне, а ее значение как противостояния именно русских и ордынцев в политике памяти порой нивелируется (можно вспомнить известную оценку В.В. Путина 2004 г., что на Куликовом поле с обеих сторон якобы сражались и «татарская конница», и «русские полки»). Здесь, правда, наметилось определенная эволюция в сторону актуализации годовщины битвы как общероссийского события – в связи с приближающимся в 2030 г. ее 650-летним юбилеем. 8 апреля 2021 г. президент подписал соответствующее распоряжение об организации торжеств в связи с «особым значением» сражения на Куликовом поле. День включения Крыма в состав России акцентирует внимание общества именно на присоединении новой территории – будущей жемчужины в короне Российской империи, внешне не связывая это событие с ликвидацией столетия существовавшего там государства – Крымского ханства. С политической точки зрения такая размытость вполне понятна – с золотоордынским наследием связано немало событий отечественной истории, которые до сих вызывают в обществе острые дискуссии, а политика памяти направлена в первую очередь на его консолидацию. Поэтому серьезной актуализации золотоордынского нарратива в официальном дискурсе в ближайшее время вряд ли стоит ожидать.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань, Мир, 2011. 512 с.

Дружинина К.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 368 с.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.

Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV–первая половина XVI вв.). М.: Рудомино, 2004. 216 с.

История крымских татар в пяти томах. Т. 3. Крымское ханство (XV–XVIII вв.) / отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 1024 с.

Кочегаров К.А. Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты. Вторая половина XVII века // *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия и культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. С. 207–249.

Кочегаров К.А. Россия и славянские народы в XVII веке // *Славянский альманах*. 2009. М.: Индрик, 2010. С. 110–119.

Пчелов Е.В. К истории территориального титула русских государей середины XV–середины XVI в. // *Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. Материалы XXIV Международной научной конференции*. М.: РГГУ, 2012. С. 81–90.

Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. М.: Кучково поле, Лавандр, 2012. 256 с.

Талина Г.В. Титул православного самодержца Московского царства третьей четверти XVII в. // *Наука и школа*. 2013. № 6. С. 167–172.

Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 255 с.

Трепавлов В.В. «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2014. 224 с.

Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.

Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 69–87.

Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с.

Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М., СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.

Флоря Б.Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI–первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М.: Индрик, 2019. 480 с.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV–начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.

Wójcik Z. Rywalizacja polsko-tatarska o Ukrainę na przełomie lat 1660–1661 // *Przegląd historyczny*. 1954. № 4(45). S. 609–634.

REFERENCES

Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [Genghis khan dynasty in Russia of 15th–17th centuries: prosopography]. Ryazan': Ryazan', Mir Publ., 2011. 512 p. (in Russian).

Druzhinina K.I. *Kyuchuk-Kainardzhiskij mir 1774 goda (ego podgotovka i zaklyuchenie)* [The peace treaty of Kuchuk-Kainarji of 1774 (its preparation and conclusion)]. Moscow: Akademii nauk SSSR Publ., 1955. 368 p. (in Russian).

Zaitsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006. 303 p. (in Russian).

Zaitsev I.V. *Mezhdru Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nachalo XV–pervaya polovina XVI vv.)* [Between Moscow and Istanbul. Jochids's states, Moscow and the Ottoman Empire (the beginning of 15th–the first half of 16th centuries)]. Moscow: Rudomino Publ., 2004. 216 p. (in Russian).

Istoriya krymskikh tatar v pyati tomakh. T. 3. Krymskoe khanstvo (XV–XVIII vv.) [The History of Crimean Tatars. Vol. 3. Crimean Khanate (15th–16th centuries)]. Ed. by I.V. Zaitsev. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2021. 1024 p. (in Russian).

Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym: ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV–nachalo XVI vv.* [Rus' and Crimea: from alliance to conflict. The end of 15th–the beginning of 16th centuries]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 336 p. (in Russian).

Kochegarov K.A. *Drevnerusskoe proshloe v politicheskikh kontseptsyakh ukrainской elity. Vtoraya polovina XVII veka* [The Old-Rus' past in political conceptions of Ukrainian elite. The second half of 17th century], in Kochegarov K.A. *Ukraina i Rossiya vo vtoroj polovine XVII veka: politika, diplomatiya i kul'tura. Oчерki* [Ukraine and Russia in the second half of 17th century: policy, diplomacy and culture. Essays]. Moscow: Kvadriga Publ., 2019. Pp. 207–249 (in Russian).

Kochegarov K.A. *Rossiya i slavyanskie narody v XVII veke* [Russia and Slavic nations in 17th century], in *Slavyanskij al'manakh*. 2009. Moscow: Indrik Publ., 2010. Pp. 110–119 (in Russian).

Pchelov E.V. *K istorii territorial'nogo titula russkikh gosudarej serediny XV–serediny XVI v.* [On history of territorial coat of arms of Russian tsars in the middle of 15th–middle of 16th centuries], in *Problemy diplomatiki, kodikologii i aktovoj arkheografii. Materialy XXIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Problems of diplomatics, codicology and archeography. Proceedings of XXIV International scientific conference]. Moscow: RGGU Publ., 2012. Pp. 81–90 (in Russian).

Savva V.I. *Moskovskie tsari i vizantijskie vasilevsy. K voprosu o vliyanii Vizantii na obrazovanie idei tsarskoj vlasti moskovskikh gosudarej* [Moscow tsars and Byzantine emperors. On the problem of Byzantine influence on creation of idea of the tsars' authority of Moscow rulers]. Moscow: Kuchkovo pole, Lavandr, 2012. 256 p. (in Russian).

Talina G.V. *Titul pravoslavnogo samodержitsa Moskovskogo tsarstva tret'ej chetverti XVII v.* [The title of the Orthodox autocrat in the third quarter of 17th century], in *Nauka i shkola*. 2013. No. 6. Pp. 167–172 (in Russian).

Trepavlov V.V. *"Belyj tsar". Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* ["The White tsar". The monarch's image and idea of loyalty among nations of Russia in 15th–18th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007. 255 p. (in Russian).

Trepavlov V.V. *"Orda samovol'naya". Kochevaya imperiya nogaev XV–XVII vv.* ["The wayward Horde". Nogais nomad empire in 15th–17th centuries]. Moscow: Kvadriga Publ., 2014. 224 p. (in Russian).

Trepavlov V.V. *Istoriya Nogaiskoi ordy* [The History of Nogai Horde]. Moscow: Kvadriga Publ., 2020. 1040 p. (in Russian).

Usachev A.S. *"Tretij Rim" ili "Tretij Kiev"? (Moskovskoe tsarstvo XVI veka v vospriyatii sovremennikov)* ["Third Rome" or "Third Kiev"? (Muscovite tsardom of 16th century in perception of contemporaries)], in *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2012. No. 1. Pp. 69–87 (in Russian).

Uspenskii B.A. *Tsar' i imperator. Pomazanie na tsarstvo i semantika monarshikh titulov* [A tsar and an emperor. The anointment of tsars and the semantic of monarchs' titles]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 144 p. (in Russian).

Filyushkin A.I. *Tituly russkikh gosudarej* [Titles of Russian tsars]. Moscow, St. Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ., 2006. 256 p. (in Russian).

Florya B.N. *Rossiya i vostochnoslavjanskie zemli Pol'sko-Litovskogo gosudarstva v kontse XVI–pervoj polovine XVII v. Politicheskie i kul'turnye svyazi* [Russian and East-slavic land of the Polish-Lithuanian state in the end of 16th–the first half of 17th centuries. Political and cultural ties]. Moscow: Indrik Publ., 2019. 480 p. (in Russian).

Wójcik Z. Rywalizacja polsko-tatarska o Ukrainę na przełomie lat 1660–1661 [Polish-Crimean struggle over Ukraine in 1660–1661], in *Przegląd historyczny*. 1954. No. 4 (45). Pp. 609–634.

Статья принята к публикации 31.01.2022

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ О «ЗОЛОТООРДЫНСКОМ НАСЛЕДИИ» В ИСТОРИИ РОССИИ

Мустакимов Ильяс Альфредович

Национальная библиотека Республики Татарстан,

Казань, Россия

imus2007@mail.ru

Аннотация. Проблема «золотоордынского наследия» в истории России, технологии инкорпорации иноверцев в состав православного Русского государства продолжают оставаться актуальными вопросами отечественной историографии. Обращение к работам исследователей и анализ источников позволяют высказать сомнение в обусловленности российской экспансии в восточном и южном направлениях лишь стремлением к обладанию бывшими владениями Улуса Джучи для повышения своего престижа. Внешняя политика России в этих направлениях прежде всего была связана с текущими потребностями государства. Умелое использование российским правительством татарских технологий осуществления власти, понятных для покоренных народов, ранее находившихся под властью Джучидов, способствовало довольно быстрому распространению среди большинства из них представлений о своем российском подданстве и о русском монархе как их законном государе. Значимую роль в распространении этой идеи среди новых подданных играла прослойка служилых татар. Особое положение Крымского ханства среди прочих татарских юртов, обусловленное османским протекторатом, продлило время существования этого государства, но не спасло его от поглощения Россией. Падение Крымского ханства не было предопределено изначально, однако сложившаяся к концу XVIII в. ситуация сделало это неизбежным.

Ключевые слова: «золотоордынское наследие», Русское государство, Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Крымское ханство, Ногайская Орда.

Цитирование: Мустакимов И.А. Некоторые наблюдения о «золотоордынском наследии» в истории России // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 229–235. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-229-235 / Mustakimov I.A. Some Observations about the "Golden Horde Heritage" in the History of Russia, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 1. Pp. 229–235. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-229-235.

© Мустакимов И.А., 2022

SOME OBSERVATIONS ABOUT THE “GOLDEN HORDE HERITAGE” IN THE HISTORY OF RUSSIA

Mustakimov Ilyas A.

National Library of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russia
imus2007@mail.ru

Abstract. The problem of the “Golden Horde heritage” in the history of Russia, the technology of incorporation of believers to other confessions into the Orthodox Russian State continue to be topical issues of Russian historiography. The reference to the works of researchers and the analysis of sources allow us to express doubt about the conditionality of Russian expansion in the eastern and southern directions by the desire to possess the former possessions of the Jochi Ulus to increase its prestige. Russia’s foreign policy in the eastern and southern directions was primarily related to the current needs of the state. The skillful use by the Russian government of the Tatar technologies of exercising power, understandable to the conquered peoples who were previously under the rule of the Jochids, contributed to the fairly rapid spread among most of them of ideas about their Russian citizenship and about the Russian monarch as their legitimate sovereign. A significant role in spreading the idea of the Russian monarch as a legitimate sovereign among new subjects was played by a stratum of “service Tatars” (“sluzhilye tatar”). The special position of the Crimean Khanate among other Tatar yurts, due to the Ottoman protectorate, prolonged the existence of this state, but did not save it from Russian annexation. The fall of the Crimean Khanate was not predetermined initially, but the situation that developed by the end of the 18th century made it inevitable.

Keywords: “Golden Horde heritage”, Russian state, Kazan Khanate, Astrakhan Khanate, Siberian Khanate, Crimean Khanate, Nogai Horde.

Одним из самых дискуссионных вопросов российской историографии является вопрос о роли и месте т.н. «золотоордынского наследия» в формировании современной России. Иногда можно услышать мнение о том, что экспансия Российского государства в восточном и южном направлениях начиная с XVI в. была вызвана не только необходимостью защиты от нападений соседей («татарской угрозой»), но и связана с желанием повысить свой престиж за счет побед над государями-Чингисидами. Безусловно, последнее обстоятельство порой играло немалую роль во внешней политике Москвы, особенно на этапе обретения независимости от Орды. Овладев в 1487 г. Казанью и посадив на казанский престол вассального хана, московский великий князь Иван III не преминул немедленно направить весть об этом с посольством в Италию [Базилевич, 1952, с. 204–205]¹. Позже обладание доменом золотоордынских ханов – Нижним и Средним Поволжьем – стало аргументом русского правительства в дипломатическом противоборстве с Крымским ханством, выраженным в наказе русскому послу в Крым А. Нагому, которому на притязания крымской стороны было предписано отвечать: «...теперь Божиею волею Узбеков юрт у кого в руках, сами знаете...» [Соловьев, 1989, с. 577]. Другой случай использования этого «геополитического козыря» относится к XVIII в., правда, приписывается правителю Ширвана второй половины XVIII в. Фатх-Али-хану, который в ответ на доводы своих сановников в пользу подчинения иранскому шаху будто бы отвечал: «Я являюсь приверженным слугой русского императора, так как Чингиз-хан Могол, деля свои владения, эти места отдал своему старшему сыну Джучи, а сейчас его владения, состоявшие из Казани и прилегающих к городу земель, находятся под могучей рукой русского государя. Естественно, и эти земли принадлежат великому русскому императору» [Козлова, 1989, с. 50].

И все же территориальное расширение России на восток и юг (как и во всех остальных направлениях) в первую очередь было вызвано геополитическими соображениями, которыми руководствовались все государства Нового времени. Причем резоны для аннексии каждого из «татарских юртов» были свои. Разгром Казанского ханства был важен России для окончательного устранения угрозы набегов со стороны Казани (серьезную военную опасность для Москвы Казань в XVI в. представляла лишь в случаях союза с крымскими Гиреями), присоединение его территории – для усиления своего экономического потенциала за счет «подрайской земли, всем угодной» [Худяков, 2012, с. 137]. Завоевание Астраханского ханства позволяло установить эффективный контроль над Большой Ногайской Ордой (соответственно ослабив влияние на ногаев Крыма – главного соперника Москвы на постордынском пространстве) и над Волжским торговым путем. Присоединение Сибирского ханства имело большое значение для пополнения казны пушниной [Бериндей, 2009, с. 383]. Вряд ли основной целью дорогостоящих и порой весьма рискованных операций против тюрко-татарских государств были победы над их правителями-Чингисидами сами по себе.

Умелое использование российским правительством татарских технологий осуществления власти, понятных для покоренных народов, ранее подвластных Джучидам,

¹ А.Л. Хорошкевич основной целью этого посольства считает попытку обеспечить Русское государство «мастерами различных специальностей» [Хорошкевич, 1980, с. 189–190].

безусловно способствовало довольно быстрому распространению среди большинства из них представлений о своем российском подданстве и о русском монархе как их законном государе [Трепавлов, 2011, с. 218; Трепавлов, 2017, с. 93–94]. Немалую роль в интеграции населения новозавоеванных территорий сыграли элиты бывших тюрко-татарских государств, перешедшие на сторону завоевателей, а также рекрутированные новой властью из числа простолюдинов («служилые татары»). Вместе с тем представители этих элит медленно, но неуклонно маргинализировались или ассимилировались в новых условиях¹. Представители служилой прослойки (в том числе аристократы) часто являлись зачинщиками и активными участниками антиправительственных восстаний. Поэтому по мере того как потребность государства в их услугах сокращалась, курс правительства на их маргинализацию усиливался. Определяющую роль в этом процессе сыграли указы конца XVII в., принятием православия обуславливавшие сохранение за представителями татарской аристократии крепостных крестьян (в своем большинстве — православного вероисповедания) и, следовательно, материальной базы ее социального статуса [Ногманов, 2002, с. 189–191], а также перевод служилых татар в начале XVIII в. в разряд государственных крестьян.

Из всех татарских «юртов» наиболее долговечным оказалось Крымское ханство. Причиной этого была, однако, не внутренняя прочность общественно-политических структур этого государства, а османский протекторат. Долгое время он являлся надежным щитом против внешних врагов Крымского юрта. Самым сильным из них стало Русское государство.

Первые планы России подчинить себе Крымский юрт относятся ко второй половине 50-х гг. XVI в. Однако, по справедливому замечанию С.М. Соловьева, возможности России в то время не позволяли осуществить завоевание довольно отдаленной территории, находившейся к тому же под защитой османов [Соловьев, 1989, с. 532]. Реальная попытка завоевать Крымское ханство была предпринята после присоединения России к Священной лиге в 1686 г. В 1687 и 1689 гг. были осуществлены крымские походы русской армии под командованием В.В. Голицына, не увенчавшиеся, однако, успехом. В целом победоносная для России русско-турецкая война 1735–1739 гг., в ходе которой был взят Бахчисарай и разорен Крымский полуостров, также не привела к присоединению Крыма.

Несмотря на значительное усиление северного соперника, политика Крымского ханства в отношениях с Россией до начала XVIII в. не сводилась только к осуществлению набегов и вымоганию «казны». Крымские правители помнили о своих правах на золотоордынское наследие и по мере возможности стремились их утвердить. В середине XVII в., когда сложилась выгодная для Крымского ханства внешнеполитическая конъюнктура, в Бахчисарае были реанимированы планы по отвоеванию у России земель

¹ Редкие исключения вроде генерал-майора Кутлу-Мухаммеда Тевкелева (1674–1766) или первого председателя Оренбургского магометанского духовного собрания Мухаммеджана Хусаинова (1756–1824), достигших в России внушительных карьерных высот и одновременно сохранивших мусульманскую религию, не опровергают наличия этой тенденции.

бывшей Золотой Орды. Осуществить их предполагалось в союзе с Польско-Литовским государством. В крымских грамотах первой половины 1650-х гг., адресованных правителям Речи Посполитой, оговаривается, что в случае одоления России территории бывших Астраханского, Казанского, Сибирского ханств и все земли, «населенные татарами и ногаями», отойдут крымским ханам [Материалы по истории Крымского ханства, 1864, с. 494, 495, 861; Документы об освободительной войне..., 1965, с. 350–354, 768–771; Kolodziejczyk, 2011, р. 975, 978]. Крымцы пытались также перетянуть на свою сторону калмыцких правителей, сносились со шведами [Соловьев, 1991, с. 157, 557]. Не исключено, что свою роль в реанимации идеи отвоевания Поволжья сыграли обращения в Крым представителей мусульманских народов Волго-Уральского региона [Соловьев, 1991, с. 558]. По крайней мере, русские источники вполне определенно говорят о координации действий между Крымом и волго-уральскими повстанцами при подготовке и в ходе восстания последних в 1662–1664 гг. [Соловьев, 1991, с. 558–560]. Как известно, мечтам крымских правителей осуществиться было не суждено. Речь Посполитая, используя союз с Крымом для давления на Россию, в 1667 г. заключила с ней мир и «вышла из игры». Привлечь на свою сторону калмыков не удалось. Швеция после заключения выгодного для нее Кардисского мира (1661 г.) не была заинтересована в открытом участии в антироссийских действиях. Османскую империю же в XVII в., как и столетием раньше, гораздо сильнее интересовали европейские и иранские дела, нежели помощь далеким единоверцам на Волге и в Сибири.

У османского сюзеренитета над Крымом имелась и обратная сторона: Высокая Порта не была заинтересована в наличии у себя под боком самостоятельных и амбициозных правителей-Чингисидов, поэтому всячески ограничивала внешнеполитические предприятия ханства, а со временем все более активно вмешивалась и в его внутренние дела. Гирей постепенно превращались фактически в чиновников Порты, которых султаны назначали и смещали по своему усмотрению. Это не могло не привести к утрате ханами харизмы своих предков и, соответственно, авторитета среди своих подданных и окружающих народов. Социально-экономическая и политическая структура ханства продолжала оставаться архаичной. По мере ослабления Османской империи и собственно Крымского ханства, с одной стороны, и усиления России, с другой стороны, ханство все больше становилось заложником усиливающих внешнеполитических амбиций своего северного соседа, и можно говорить о том, что к концу XVIII в. судьба Крыма была решена...

Резюмируя, отметим, что, на наш взгляд, внешняя политика России на восточном и южном направлениях прежде всего была связана с текущими материальными потребностями государства (приобретение возделываемых и/или богатых природными ресурсами земель, контроль над стратегическими пунктами и торговыми путями и т.п.). Победы над Чингисидами являлись попутными, а не основными целями московской внешней политики. Завоевание Россией ряда тюркских ханств не могло не способствовать распространению среди неславянских народов представлений об их российском подданстве. Основным проводником этих представлений была элита завоеванных Россией тюркских ханств, а также прослойка «служилых

татар». Последним осколком Золотой Орды в Западном Дешт-и-Кипчаке оставалось Крымское ханство. Его поглощение Россией не было predetermined изначально, однако сложившаяся к концу XVIII в. ситуация сделала это неизбежным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1952. 544 с.

Бериндей М. Роль мехов в торговых взаимоотношениях между Россией и Османской империей до завоевания Сибири // *Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей.* Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 376–383.

Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев: Наукова думка, 1965. 825 с.

Козлова А.Н. К вопросу об изучении «Дербенд наме-йи джадид» // *Письменные памятники Дагестана XVIII–XIX вв.: Сб. статей.* Махачкала: ИИЯЛ, 1989. С. 43–51.

Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии наук из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел. Изд. В.В. Вельяминов-Зернов. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1864. XI, 941 с.

Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве XVI–XVIII вв. Казань: Фэн, 2002. 228 с.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. М.: Мысль, 1989. 784 с.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. М.: Мысль, 1991. 672 с.

Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.

Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. 320 с.

Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV–XVI в. М.: Наука, 1980. 294 с.

Худяков М.В. Очерки по истории Казанского ханства. Екатеринбург: б.и., 2012. 358 с.

Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011. XXXVIII, 1098 p.

REFERENCES

Bazilevich K.V. *Vnutrennyaya politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraya polovina XV veka* [The foreign policy of the Russian centralized state. The second half of the 15th century]. Moscow: Moscow University Publ., 1952. 544 p. (in Russian).

Berindei M. Rol' mekhov v torgovykh vzaimootnosheniyakh mezhdru Rossiyei i Osmanskoj imperiyei do zavoyevaniya Sibiri [The role of furs in trade relations between Russia and the Ottoman Empire before the conquest of Siberia], in *Vostochnaya Yevropa Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni glazami frantsuzskikh issledovateley: Sb. statej* [Eastern Europe of the Middle Ages and early modern times through the eyes of French researchers: Coll. of articles]. Kazan: Institut Istorii AN RT Publ., 2009. Pp. 376–383 (in Russian).

Dokumenty ob osvoboditel'noy voyne ukrainskogo naroda 1648–1654 gg. [Documents about the liberation war of the Ukrainian people of 1648–1654]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 1965. 825 p. (in Polish and Russian)

Kozlova A.N. K voprosu ob izuchenii "Derbend name-yi dzhadid" [On the question of studying the "Derbend name-yi Jadid"], in *Pis'mennye pamyatniki Daghestana XVIII–XIX vv.: Sb. statej* [Written monuments of Dagestan 18th–19th centuries: Coll. of articles]. Makhachkala: Ilyal Publ., 1989. Pp. 43–51 (in Russian).

Materialy dlya istorii Krymskogo khanstva, izvlechenyye po rasporyazheniyu Imperatorskoj Akademii nauk iz Moskovskogo glavного arkhiva Ministerstva inostrannykh del [Materials for the History of the Crimean Khanate, extracted by order of the Imperial Academy of Sciences from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. Ed. by V.V. Vel'yaminov-Zernov. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences' Printing House, 1864. XI, 941 p. (in Tatar).

Nogmanov A.I. *Tatary Srednego Povolzh'ya i Priural'ya v rossiyskom zakonodatel'stve XVI–XVIII vv.* [Tatars of the Middle Volga and the Urals Region in the Russian law of the 16th–18th centuries]. Kazan: Fen Publ., 2002. 228 p. (in Russian).

Solov'yev S.M. *Sochineniya* [Essays]. Book 3. Moscow: Mysl', 1989. 784 p. (in Russian).

Solov'yev S.M. *Sochineniya* [Essays]. Book 6. Moscow: Mysl', 1991. 672 p. (in Russian).

Trepavlov V.V. *Tyurkskie narody srednevekovoy Yevrazii. Izbrannye Trudy* [Turkic peoples of Medieval Eurasia. Selected works]. Kazan: OOO "Foliant", 2011. 252 p. (in Russian).

Trepavlov V.V. "Belyi tsar". *Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* ["White King". The image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia in the 15th–18th centuries]. St. Petersburg: "Izdatel'stvo Olega Abyshko", 2017. 320 p. (in Russian).

Khoroshkevich A.L. *Russkoye gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy kontsa XV–XVI v.* [The Russian State in the system of international relations of the late 15th–16th centuries]. Moscow: Nauka, 1980. 294 p. (in Russian).

Khudyakov M.V. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the history of the Kazan Khanate]. Yekaterinburg: S.n., 2012. 358 p. (in Russian).

Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents.* Leiden; Boston: Brill, 2011. XXXVIII, 1098 p.

Статья принята к публикации 31.01.2022

МОСКВА И ТАТАРСКИЕ НАСЛЕДНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: (ИН)ВАРИАНТЫ ИСТОРИИ И ЗИГЗАГИ ИСТОРИОГРАФИИ

Рахимзянов Булат Раимович

Университетский колледж Дублина,
Дублин, Ирландия
bulat.rakhimzianov@ucdconnect.ie;
Институт истории им. Ш. Марджани,
Академия наук Республики Татарстан,
Казань, Россия
bulatrain@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть возможные варианты развития событий на территории Центральной Евразии в XV–XVIII вв., касающиеся взаимоотношений наследников Золотой Орды (Улуса Джучи) и Московской Руси, которые не были реализованы, и их интерпретацию (включая ее причины) в современной историографии. Рассуждения автора базируются преимущественно на материалах дипломатической переписки между правителями указанных государств и анализе исследовательской литературы по проблематике. Автор приходит к выводу, что строгой предопределенности в реализации той версии событий, которая имела место, не было. В отношении же оформления исторического нарратива этих реализованных событий автор, напротив, прослеживает некую печальную предопределенность, вызванную, по его мнению, имперской сутью государства – «спонсора» историописания данных событий. По мнению автора, одним из важнейших двигателей развития исторических событий в том или ином направлении являются личные амбиции отдельных людей, но отнюдь не разноплановые «объективные» факторы – вроде развития производительных сил общества. Акцентируется внимание на необходимости изучения психологических моментов, влияющих на то или иное историческое событие, на включении психологии в пространство исторических исследований.

Ключевые слова: Золотая Орда, татарские ханства, историография, империя, национализм.

Цитирование: Рахимзянов Б.Р. Москва и татарские наследники Золотой Орды: (ин)варианты истории и зигзаги историографии // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 236–244. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-236-244 / Rakhimzianov B.R. Moscow and the Tatar Heirs of the Golden Horde: (In)Variants of History and Zigzags of Historiography, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 1. Pp. 236–244. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-236-244.

© Рахимзянов Б.Р., 2022

MOSCOW AND THE TATAR HEIRS OF THE GOLDEN HORDE: (IN)VARIANTS OF HISTORY AND ZIGZAGS OF HISTORIOGRAPHY

Rakhimzianov Bulat R.

University College Dublin,

Dublin 4, Ireland

bulat.rakhimzianov@ucdconnect.ie;

Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Kazan, Russia

bulatrain@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to consider possible scenarios for the development of events on the territory of Central Eurasia in the 15th–18th centuries, namely, the relationship between the heirs of the Golden Horde (The Juchi Ulus) and Muscovite Russia which were not realized, and their interpretation (including its reasons) in modern historiography. The author's thoughts are based mainly on diplomatic correspondence between the rulers of these states and on the analysis of scholarly literature on the subject. The author concludes that there was no strict predetermination in the implementation of the version of events that took place. Concerning the "design" of the historical narrative of these events realized, the author, on the contrary, traces a certain and sad predetermination caused, in his opinion, by the imperial essence of the state – the "sponsor" of the historical narrative of these events. According to the author, one of the most important drivers of the development of historical events in one direction or another is the individuals' personal ambitions, but by no means different "objective" factors such as the development of the productive forces of society. Author supposes that necessity for the study of psychological aspects that affect a particular historical event and need to include psychology in the body of historical research are the main bullet points to take into consideration in historical research.

Keywords: Golden Horde, Tatar khanates, historiography, empire, nationalism.

«История не имеет сослагательного наклонения». Эту мысль мы впитывали с первых курсов университета. Таким образом «программировались» наши еще «незрелые» головы, настраиваясь на то, что «философствовать» в исторической науке не принято. А принято было, благодаря советской исторической школе, делать упор на источниковедении. И это было логично: неизвестно куда может завести автора полет творческой мысли; если же только аккуратно находить, обрабатывать и извлекать на свет божий архивные данные, опасность «поворота не туда» уменьшалась [Дэвид-Фокс, Холквист, По, 2001]. Нисколько не желая приуменьшить важность источниковедения в работе историка, хотелось бы также отметить значимость и пресловутого «философствования»: аналитических выкладок, размышлений, которые не всегда могут быть подкреплены источниковыми данными, потенциальную возможность альтернативной версии событий, многовариантность исторического нарратива. Отрадно, что журнал «Новое прошлое / The New Past» предложил свою площадку для обсуждения этих тем в ракурсе взаимных контактов Московской Руси и татарских государств – наследников Золотой Орды. Ниже читатель может ознакомиться с моим взглядом на тот спектр проблем, которые журнал предложил для обсуждения.

Я согласен с тем, что борьба Московского государства с татарскими ханствами и ордами, или, иначе, наследными государствами Золотой Орды, особенно обострившаяся в XVI в. и завершившаяся в XVIII в., в значительной степени была связана не с «объективными» факторами (при всей условности этого термина в гуманитарных науках вообще), такими как «необходимость выхода к морю», «расширение земельного фонда», «предотвращение татарской агрессии» и прочим принимающим разные лики «развитием производительных сил», а с субъективными моментами, изучение которых в российской исторической науке представлено слабо и которые ведут нас больше даже не к истории и политике как таковым, а к психологии, причем психологии личности, а не к какому-нибудь «коллективному бессознательному».

В нашем случае важнейшим из этих моментов являлось, на мой взгляд, желание (субъективное!) правителя Московского государства повысить свой политический престиж и освободиться от клейма «ордынского данника» (хотя на момент середины XVI в. самой Орды уже не было, ее функции успешно выполняло Крымское ханство). Я вскользь затрагивал эту тему в моей второй книге, где осторожно предположил, что, «будучи когда-то покорены войсками сына Джучи – хана Бату и другими Чингисидами, потеряв независимость и в результате этого встав на вторую ступень властной иерархии Дешт-и Кипчака, московские правители не могли забыть и простить завоевателям данного факта» [Рахимзянов, 2016, с. 234]. Данную мысль можно развить.

Если вновь обратиться к психологии, здесь мы имеем дело с коллективной травмой от поражения (я имею в виду завоевание русских княжеств в 1237–1241 гг.). Видимо, мышление московских правителей (да и не только их, и не только в Средние века) работало таким образом, что сбросить незавидный шлейф от роли

«жертвы» можно было, только самому встав на место «угнетателя», то есть завоевателя. Думаю, этим и была вызвана активная политика Московского государства на восточном направлении в XVI в., завершившаяся завоеванием Казанского и Астраханского ханств. Последнее, заметим, не имело крупной боеспособной конницы и в военном плане полностью зависело от Ногайской Орды (а она, напомню, завоевана не была ни в XVI в., ни позже). Почему же именно к Астраханскому ханству «привязалось» Московское государство? Видимо, стоит вспомнить, что именно на территории Астраханского ханства находились развалины Сарая, бывшей столицы Золотой Орды, и обладание именно этой территорией было «сакрално» важным по каким-то причинам для Москвы [Pritsak, 1967, p. 582–583].

Вопросы престижа, доминирования, желания быть первым характерны для власти и людей, ее представляющих. «Объективные» факторы для них вторичны, на мой взгляд. А власть и население достаточно разобщены, особенно если мы говорим о Средних веках. Поэтому, считаю, трудно рассуждать о том, каким образом представления о российском подданстве, монархе и лояльности распространялись в среде завоеванных народов татарских ханств и насколько завоевание ряда ханств приводило к их распространению.

Не менее сложен вопрос и о том, способствовали ли элиты покоренных народов «интеграции» этих народов в российское государственное пространство и какова их роль в этом процессе. Если брать Казанское ханство, то наиболее активная в плане отстаивания независимости часть элиты была либо физически уничтожена, либо эмигрировала после падения города в 1552 г. (кто-то в Ногаи [Трепавлов, 2001, с. 260–261], кто-то в Крым, и т.д.). Оставшиеся в городе в основном были незнатного происхождения, да и скорее всего по большей части невоенного сословия. Их с трудом можно отнести к активной части элиты, способной как-то влиять на население и принимать самостоятельные решения. Интересный момент подметил один из моих друзей-историков: полное отсутствие у казанских татар (т.е. населяющих современный Татарстан. — *Б.Р.*) «боевых» песен в фольклоре (по контрасту с большим количеством таковых у представителей Кавказа, например). Думаю, это напрямую связано с физическим уничтожением непокорной элиты как в процессе взятия Казани, так и после, в процессе т.н. казанской войны: попросту некому было генерировать и распространять такие идеи¹.

Говоря же о оставшихся на завоеванных территориях элитах других ханств, думаю, что они все же остались «чужими» и «лишними» в системе российского управления этими территориями. Почему? Российская власть, на мой взгляд, не была ориентирована (как не ориентирована и сейчас) на сотрудничество и на диалог, на то, чтобы слышать и другую сторону, другую точку зрения; видимо, считалось, что это слишком сложный путь. Проще было выбирать путь давления, принуждения и

¹ Боюсь быть обвиненным в «рискованных обобщениях», но предположу, что политическое «соглашательство» современной элиты Татарстана может быть связано с этим же явлением, являясь своего рода реинкарнацией негативной «генетической памяти».

репрессий. Безусловно то, что оставшиеся элиты татарских государств имели свои, хоть и «ужатые» из-за самого факта завоевания, интересы; при условии их использования в процессе интеграции территорий эти интересы пришлось бы учитывать. Видимо, российская ментальность работает таким образом, что это слишком сложно. Мне могут возразить, сославшись на пример рода Юсуповых, достигшего высших ступеней власти, богатства и престижа в Российской империи – их ли «притесняли»? Но здесь мы имеем дело, во-первых, с представителями тех территорий, что вошли в состав формирующейся империи без военного присоединения (а этот момент был немаловажен – каким образом те или иные политии были присоединены к России); во-вторых, и это самое главное, этот род крестился и по сути своей уже не являлся «татарским».

Путь унификации (в нашем случае одним из вариантов этой унификации было крещение, но это был не единственный вариант) – именно его избрала Россия. Продуктивным ли он оказался? Думаю, нет – как только вожжи насильственной «дружбы» были слегка отпущены в начале XX в. (1905–1907 гг.), все недовольные своим положением национальности заявили о себе во весь голос. По сути, это явилось одной из причин непрочности Российской империи, в которой национальный вопрос не решался вовсе – делался вид, что его попросту не существует. Однако история ничему не учит – вскоре после своего распада империя вновь (и вновь насильственно) была воссоздана большевиками в виде СССР, который во многих моментах копировал ошибки своей предшественницы: качество его «работы» с национальным вопросом мы могли наблюдать на примере многочисленных этнических конфликтов 1990-х гг.

Вопрос о «неизбежности» того или иного события крайне важен для историка, т.к. он «взывает» к практическому применению профессии и к ее «предсказательным» возможностям. Неизбежным ли было то или иное событие, могли ли исторические судьбы государств и народов повернуться иначе? Все это важные вопросы, на которые ответов мы чаще всего не имеем. Я являюсь сторонником «многовариантности» истории – мне кажется, что события вполне могли повернуться иначе, нежели это произошло. Поэтому трудно рассуждать о «неизбежном поглощении Российской империей державы Гиреев как неспособной устоять в XVIII в. перед различными новыми “вызовами времени”». Мне кажется, что здесь, как и в некоторых других случаях, историки «опрокидывают» уже имеющиеся у них данные об исторических событиях в прошлое, «подтягивая» их к тому варианту развития событий, который в итоге и был реализован¹. Если Казанское ханство пало в середине

¹ К примеру, довольно интересная статья В.А. Артамонова рассматривает «державное противостояние» Москвы и Крыма в XV–XVI вв. Она написана в достаточно традиционном для представителей ведущих учреждений РФ, изучающих историю России, имперском ключе, составляющими которого являются идея о мощи Российского государства и его исторических предшественников вне зависимости от рассматриваемого временного промежутка. Причина тому, на мой взгляд – экстраполяция более поздних реалий на предыдущие периоды (это не снижает положительного впечатления от статьи, благодаря широкой эрудиции автора, его открытости новым мнениям, представленным в литературе). См.: [Артамонов, 2016].

XVI в., значит мы оперативно находим в сочинениях И. Пересветова данные о том, что Московское государство давно мечтало о «подрайской землице» под Казанью и необходимость завоевания ханства была «объективно» связана с «необходимостью расширения земельного фонда для нарождающегося дворянства» (см., к примеру: [Худяков, 1991, с. 128–129]). Если Крымское ханство в конце концов было покорено Российской империей в 1783 г., значит, это говорит об «объективном» оставании его внутреннего развития от соседней России, и данное поглощение было неизбежно с «исторической» точки зрения. Все это – крайне шаткие конструкции мыслительной активности авторов исторических исследований.

Здесь мы можем плавно перейти к теме сюжетов, касающихся отношений Москвы и татарских государств в XVI–XVIII вв., но недостаточно представленных в современной «политике памяти». На мой взгляд, таких сюжетов достаточно много; можно говорить о некоторой маргинализации подобных сюжетов в угоду столь старому, но традиционно любимому российской имперской историографией нарративу победного шествия русского народа к всеобщему благоденствию через сокрушение многочисленных недругов, ожидаемо поджидающих этот народ на тернистом, но богоизбранном пути. Под «русской имперской историографией» я подразумеваю не только традиционно понимаемую под этим термином дореволюционную историографию, но и советскую, и постсоветскую историографию, транслируемую из центральных, государственно-поддерживаемых исследовательских центров, излагающих «официальную версию» истории России (квинтэссенцию которой мы находим в школьных учебниках)¹.

Среди таких сюжетов, на мой взгляд, выделяются такие, как вопросы распада Золотой Орды (Улуса Джучи) на отдельные составляющие «былого единства» и незавершенность этого процесса в течение XV–XVI вв., политический вес московских правителей в XVI в., прекращение официальной выплаты дани в Крымское ханство в 1700 г. [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 375], соотношение личного фактора vs «объективные реалии» и некоторые более частные сюжеты. К примеру, поход московских войск на Казань 1487 г. с последующим посажением хана Мухаммед-Амина на престол Казанского ханства при московской военной поддержке, поход крымских войск под Москву и ее взятие в 1521 г. с последующим принуждением к выплате дани [Фаизов, 1994, с. 52], вопросы взаимоотношений Крымского ханства и Ногайской Орды в первой половине

¹ Вообще же соотношение терминов «центральная», «региональная», «национальная» в отношении историографии в РФ удивляет. В одном из недавних авторефератов, касающихся «татарской» тематики, я обнаружил, что Ю.В. Селезнев отнесен там к представителям «центральной» историографии (при том, что он работает в Воронежском университете, но, видимо, по мнению автора автореферата, транслирует «официальную версию» истории России), а Б.Р. Рахимзянов – к «региональной» (видимо, т.к. он и «национальностью» не вышел, да и официальных версий не транслирует). Не менее я был удивлен при посещении фирменного магазина Татарского книжного издательства в Казани, где мне заявили, что они продают «татарские» книги. На мой вопрос, в чем же состоит «татарскость» данных книг (многие из которых изданы на русском языке и написаны авторами нетатарского происхождения), ответа у продавцов не нашлось.

XVI в., непосредственно касавшиеся Московского государства, т.н. казанская война 1552–1557 гг. за освобождение Казанского ханства от московского захвата, окончившаяся фиаско, османский поход на Астрахань 1569 г. [см.: Камалов, 2010] и некоторые другие.

Касаясь же в целом «политики памяти» в отношении интересующих нас тем, можно заметить, что на постсоветском пространстве Российской Федерации сильно заметна инерция «имперскости», настолько въевшаяся в умы как обывателей, так и профессиональных историков, что некоторые ее уже не замечают. Заложённая ещё в средние века русскими летописцами, она была творчески развита в сочинениях близких к трону российских историков, перекочевала в работы советских исследователей и вновь, после короткого перерыва «демократических» 1990-х гг., набирает позиции в наши дни. Суть этой позиции – русский национализм, где место для других «национальных» историй (а сюда включаются все сюжеты, связанные с татарскими ханствами) весьма лимитировано. Это забавно, т.к. обычно в «национализме» обвиняют историков из «регионов» с нерусским титульным населением, которые «приукрашивают» историю своего народа для придания ей большей значимости, глобальности («был ли питекантроп татарин?»). При этом вопрос «а заведения, на которые мы уповаем как на залог объективности и беспристрастности, свободны ли сами от идеологии и проведения определенной, заказанной сверху, точки зрения?» почему-то остается «за кадром», как будто *a priori* ответ на него – «да». Однако ответ на этот вопрос – «нет»; эти заведения так же пристрастны и ангажированы; может быть, разница лишь в качестве «проведения в массы» той или иной точки зрения, в уровне «интеллигентности» подачи материала.

В заключение отмечу, что «долгие 1990-е годы» с их относительным плюрализмом мнений стали слегка «сворачиваться». Некоторые новые книги и статьи производят искусно завуалированную подмену тезиса, воскрешая старые, источниково дискредитировавшие себя точки зрения с приведением «новых» «доказательств» «своей правоты». Тексты же, концептуально представляющие иные позиции, нередко подвергаются недоброжелательным нападкам и реинкарнированной практике «идеологии молчания» [Halperin, 1984]: если о «противнике» нельзя говорить плохо, то о нем стараются не говорить вообще.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Артамонов В.А. Державное противостояние Крымского ханства и Княжества (Царства) всея Руси в XV–XVI вв. // *Меншиковские чтения*. 2016. № 7(17). С. 33–41.

Дэвид-Фокс М., Холквист П., По М. Журнал «Критика» и новая, наднациональная историография России // *НЛО*. 2001. № 50. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/4/zhurnal-kritika-i-novaya-nadnatsionalnaya-istoriografiya-rossii.html> (дата обращения – 12.11.2021 г.).

- Камалов И.Х. Астраханский поход султана Селима: причины и перспективы // *Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей*. Вып. 3. Казань: Икхлас; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 262–266.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1887. Т. 1. 998 с.
- Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016. 396 с.
- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 752 с.
- Фаизов С.Ф. Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси – России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // *Отечественные архивы*. 1994. № 3. С. 49–55.
- Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИИХАН, 1991. 320 с.
- Halperin Ch. The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Religious Frontier // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. Vol. 26. № 3. Pp. 442–466.
- Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. № 4. Pp. 582–583.

REFERENCES

- Artamonov V.A. Derzhavnoe protivostoyanie Krymskogo khanstva i Knyazhestva (Tsarstva) vseya Rusi v XV–XVI vv. [The sovereign confrontation between the Crimean Khanate and the Principality (Kingdom) of Russia in the 15th–16th centuries], in *Menshikovskie chteniya*. 2016. No. 7(17). Pp. 33–41 (in Russian).
- David-Fox M., Holquist P., Poe M. Zhurnal “Kritika” i novaya, nadnatsional’naya istoriografiya Rossii [The journal “Kritika” and the new, supranational historiography of Russia], in *NLO*. 2001. No. 50. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/4/zhurnal-kritika-i-novaya-nadnatsionalnaya-istoriografiya-rossii.html> (accessed 12 Nothember 2021).
- Kamalov I.Kh. Astrakhanskii pokhod sultana Selima: prichiny i perspektivy [Sultan Selim’s Astrakhan campaign: reasons and prospects], in *Crednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statei* [Medieval Turko-Tatar states. Digest of articles]. Iss. 3. Kazan’: Ikhlās; Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2010. Pp. 262–266 (in Russian).
- Pis’ma i bumagi imperatora Petra Velikago* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1887. Vol. 1. 998 p. (in Russian).
- Rakhimzyanov B.R. *Moskva i tatarskii mir: sotrudnichestvo i protivostoyanie v epokhu peremen, XV–XVI vv.* [Moscow and the Tatar world: Cooperation and Confrontation in the Age of Change, 15th–16th centuries]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 2016. 396 p. (in Russian).

Trepavlov V.V. *Istoriya Nogaiskoi Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literature" RAN, 2001. 752 p. (in Russian).

Faizov S.F. Pominki – "tysh" v kontekste vzaimootnoshenii Rusi – Rossii s Zolotoi Ordoi i Krymskim yurtom (K voprosu o tipologii svyazei) [Wake – "tysh" in the context of relations between Rusi – Russia with the Golden Horde and the Crimean yurt (On the question of the typology of ties)], in *Otechestvennye arkhivy*. 1994. No. 3. Pp. 49–55 (in Russian).

Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the history of the Kazan Khanate]. Moscow: INSAN Publ., 1991. 320 p. (in Russian).

Halperin Ch. The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Religious Frontier, in *Comparative Studies in Society and History*. 1984. Vol. 26. No. 3. Pp. 442–466.

Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View, in *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. No. 4. Pp. 582–583.

Статья принята к публикации 31.01.2022